

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

ТОРГОВЕЦ ЭПОХАМИ

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗ НАВСЕГДА

ЭКСМО

Юрий Иванович
Литагент «1 редакция»
Вернувшийся из навсегда
Серия «Магия – наше будущее»
Серия «Торговец эпохами», книга 11

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8658014

Юрий Иванович. Торговец эпохами. Книга 11. Вернувшийся из навсегда:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76616-1

Аннотация

Всемирно известный Торговец эпохами Дмитрий Петрович Светозаров собрался в свадебное путешествие со своей дражайшей супругой. Но мечтам посетить красивейшие места на других планетах не суждено было осуществиться. С самого начала кризиса напасть за напастью стали валиться на счастливых молодоженов. То отца надо из плена вызволять, то брата, а то вообще спешно готовиться к войне с невероятно агрессивными созданиями, которые вот-вот уничтожат цивилизацию разумных драконов...

Содержание

Глава 1. Нежданный гость	4
Глава 2. Заигрывания со смертником	14
Глава 3. Новое открытие	39
Глава 4. Причина для убийства	52
Глава 5. Двуализация	68
Глава 6. Смена режима содержания	78
Глава 7. Напрасные надежды	107
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Юрий Иванович

Вернувшийся из навсегда

Глава 1. Нежданный гость

Глаза непроизвольно раскрылись после начавшегося рёва сирены. Болевые ощущения резко пронзили тело насквозь: натянувшиеся путы прижали тело спиной к стене. А в сознание, казалось бы, уже навсегда лишённое эмоций или каких-либо ощущений, хлынул поток адреналина, вызывая этим чуть ли не временный паралич членов и шокированного разума. Поэтому первые несколько секунд красные круги перед глазами не давали Петру конкретно понять, что рядом с ним происходит. И только раздавшиеся через динамики команды прояснили всю подноготную событий: кто-то попытался прорваться в место его заточения! Точнее говоря, уже прорвался! А ведь сделать это мог, по здравому размышлению, только один-единственный человек. Скорей всего, этот момент истины открылся и начальнику охраны комплекса, генералу Жавену:

– Дежурный взвод! Тревога! Цель – в ловушке! Быстрее! Быстрее, дети бездны!!! – Его голос, обычно грубый и жёсткий, срывался от волнения и переживаний на фальцет. В последнем вопле, где офицеры спецназа сравнивались с вурда-

лаками из бездны, командный рёв «дал петуха»: – Взять его живьём!..

Зато после таких воплей красные круги перед глазами рассеялись, интеллект заработал. Удалось отлично и сразу рассмотреть потенциального спасителя. Фигура его, закованная в некую новейшую, никогда ранее не виданную, эластичную броню, бугрилась изломами закреплённого на ней оружия. Причём нетрудно было догадаться, что с ходу это оружие пускать в ход человек не намеревался. Зато он чуть ли не мгновенно стал топтаться на месте, осеняя себя при этом коконом из молний. Иначе говоря, пытался вырваться из созданной для него ловушки, шагнуть в подпространство. По этой причине грохот усилился до максимума, грозя порвать барабанные перепонки узника. Пётр открыл рот, а потом и сам перешёл на крик, не в силах больше сдерживать в себе нахлынувшие в виде цунами эмоции. Причём с удивлением осознал, что эмоции эти резко отрицательные, в них многократно больше злобы, бешенства, чем радостной или робкой надежды:

– Как ты посмел меня ослушаться?! Я ведь запретил за мной являться!!!

Кажется, эти крики не были услышаны, но узник постарался всё с большей и большей яростью повторять одни и те же фразы. Потому что он уже не сомневался в личности человека, явившегося для его спасения.

– Он пытается уйти! – истошно вопил через динамики на-

чальник всего тюремно-научного комплекса. – Бейте его из ручных!

Вполне логично было с его стороны догадаться по некоторым конвульсиям лазутчика и по его топтанию, что тот пытается вырваться из ловушки или хотя бы сместиться в сторону от направленных на него потоков парализующей энергии. Потому и добавили мощности в атаке, используя ручное оружие. Каждый офицер, врываясь на периметр помещения, с ходу задействовал мощь своего личного парализатора, стараясь при этом самому не попасть в зону воздействия стационарных устройств.

И уже к концу второй минуты от начала событий до сознания почти всех стало доходить, что спасатель-диверсант, скорей всего, не сможет добраться до узника. Как и не сможет вырваться из созданной для него ловушки. Его удивительные, явно эластичные доспехи отражали удары всех парализаторов, тем самым не допуская потери сознания у человека. Но и вырваться у него не получилось! Расположенные по всей площади пола, стен и свода аннуляторы сводили на «нет» любые попытки шагнуть в подпространство, уйти отсюда с помощью природной возможности телепорта.

Также стали заметны его неуклюжие старания добраться до навешанного на нём оружия. Ну и продолжалось топтание: лазутчик не прекращал делать шаги, которые могли бы его перенести в иное место. Когда пошла примерно четвёртая минута с момента начала боевой тревоги, человек сделал

такое движение, словно хотел откинуть в сторону или снять лицевой щиток боевого скафандра, и Светозаров ужаснулся.

«Что он творит?! Его же порвёт лучами парализатора! – И тут же в мозг ворвалась иная, досадная мысль-догадка: – Он понял, что ему не уйти, и не хочет сдаваться живым!.. – Особую печаль и горечь добавляло воспоминание о собственном пленении: – А я вот не сумел...»

Наверное, точно так же подумали и тюремщики. Осознали гады, что парализаторы на лазутчика не действуют. Поэтому их отключили, давая тем самым возможность офицерам охраны ринуться на сближение. Хватит, мол, для удержания на месте и аннуляторов, которые не дадут ни одного шанса умеющему телепортироваться человеку покинуть комплекс. Да и голос, усиленный динамиками, торжествующе взревел:

– Взять его! Валите Борьку с ног! Прижимайте к полу и разоружайте! Теперь уже точно эта сволочь не уйдёт!

Судя по названному вслух имени, генерал Жавен уже не сомневался в личности человека, угодившего в ловушку, а если судить по тону, полному торжества и злорадства, руководитель всего научно-тюремного комплекса ни капельки не сомневался в успешном завершении всей операции захвата.

После наступления сравнительной тишины, когда гул парализаторов смолк, все двадцать офицеров слаженно и дружно ринулись на пошатывающуюся в полуобмороке жертву. Причём все без исключения тюремщики вполне осо-

знанно отбросили своё оружие в сторону. Скафандры всё равно спасут первые несколько секунд от возможного контр-удара, а уж потом чужак просто шевельнуться не сможет под тяжестью навалившихся на него тел.

Так, в сущности, и получилось. Лазутчик попытался всё-таки задействовать некое оружие, но явно не успел привести его в рабочее состояние. А может, и руки у него уже толком не слушались после суммарного воздействия стационарных парализаторов и аннуляторов. Тем более удивительным и неожиданным оказалось его дальнейшее сопротивление. Несмотря на груды тел, физически пытающуюся его вдавить в пол, человек не давал себя скрутить, не давал зафиксировать в неподвижном состоянии, и время от времени один, а то и несколько офицеров буквально отлетали в стороны от жутких по силе толчков или ударов. И это несмотря на то, что у каждого спецназовца в скафандрах имелись экзоусилители, повышающие силу человека как минимум вдвое!

И к концу пятой минуты вместо генерала Жавена, который всё-таки больше был учёным, чем военным, к микрофонам прорвался главный следователь тюрьмы, он же основной мастер пыточных дел. Чувствовалось, как он до крайности рассердился такими неэффективными методами пленения:

– Что вы там с ним возитесь?! Ломайте руки! Нечего его жалеть! И сейчас принесут секаторы! И клещи-кусачки! Отрубите ему ступни! Допрыгался, урод! – Даже на истерический смешок сорвался: – Ха! Больше не будет топтать наши

земли!

Мерзостная акция, к которой тюремщики готовились давно, устанавливая здесь «Могильщика», могла вот-вот превратиться из угрозы в самую настоящую реальность.

Но глядящего на это всё Петра, помимо горечи, отчаяния, злобы, бешенства и тоски, вдруг окутало совсем непонятное чувство. Нельзя сказать, что у него вдруг в сердце появился лёд или отчуждённость, нет. Скорей сопереживание к пытаемому его спасти существу чуточку даже усилилось. Но вот иное осознание прямо-таки молотом ударило по восприятию:

«Там, под грудой тел офицеров, – не Борис! – причём осознание чёткое, стопроцентное, яркое как молния и по глубине своей пронзающее каждую частичку тела словно умерщвляющим холодом. Наверное, именно этот холод позволил несколько отстраниться от чувств и заняться анализом увиденного: – Да и фигура, пусть и скрытая в неуместном скафандре, – несколько иная, чем у Бориса. Это – не мой старшенький... И вообще...»

Дальше пришлось сделать перерыв в мыслительной деятельности и некоторое время только наблюдать за событиями. Потому что наступил финал экстраординарного события! Загадочный посетитель не просто исчез, телепортировавшись в неизвестное пространство, наплевав на все установленные вокруг аннуляторы, но и сделал это с довольно мощным взрывом. Наверное, таким образом высвободилась

энергия, составляющая основу его защитного кокона. Причём взрыв не просто раскидал спецназовцев, а у многих из них оторвал часть руки, ноги, а то и целую конечность. От двух офицеров остались только половинки тел. Ещё трое вскоре скончались на месте от полученных ран и обильного кровотечения. Пятеро получили увечья средней степени, ещё шестеро отделались лёгкими ранениями, которые кровоточили сквозь вырванные участки сверхпрочных скафандров.

Итог – полное фиаско тюремщиков! Их ловушка не сработала в полной мере.

Несмотря на то что пленник уже был у них в руках, что его тело распяли на полу, жёстко зафиксировали и не давали даже ступнёй шевельнуть, тот всё равно вырвался и ушёл, поправ тем самым имеющиеся правила, теории и законы телепортации для живого существа.

Врачей и санитаров набежало в помещение узилища видимо-невидимо. Откуда столько взялось на комплексе? Все они бросились оказывать первую помощь пострадавшим, а потом и унесли тех, кто не мог сам передвигаться. И всё это время от командования не донеслось через динамики ни словечка. О причинах такого молчания догадываться не приходилось: скрупулёзно изучают сделанные видеозаписи. Пытаются понять, кто именно лазутчик и как он сумел вырваться.

Пётр Васильевич Светозаров тоже очень многое отдал бы за возможность увидеть всё покадрово и с должным увели-

чением на экране. Только понимал прекрасно – ему такой возможности не дадут. Да и прочих подобных льгот больше никогда в жизни не предоставят. Поэтому следовало продолжать начатый анализ, полагаясь на собственную память да на зрение, увы, не совсем совершенное от старости.

«Хотя с чего это я стал вспоминать о старости? – пронеслись в подсознании грустные мысли. – Если привести себя в порядок да питаться как следует, то я уже через два месяца поломаю любого из этих офицериков спецназа. В узел завяжу и в таком виде маршировать заставлю! Да-с!.. Только кто мне даст эти два месяца и нормальное питание, вот в чём проблема...»

Глаза разглядывали царящую вокруг него суматоху, в которой, казалось, все совершенно забыли про основного узника. Тогда как сознание продолжало анализ случившегося:

«В любом случае они разберутся в том, что сюда заявлялся не Борис. Самое первое – рост. Как ни списывай всё на обман зрения или слишком непривычный скафандр-латы, побывавший здесь человек сантиметров на пятнадцать выше. И даже со скидками на обувь и шлем остаются как минимум десять сантиметров разницы. Да и сын, как мне кажется, чуточку шире в плечах будет этого гостя, массивнее... Значит, сомнения прочь: не он сюда наведывался, не он! Ну и эти странные одеяния... Техническая мысль не стоит на месте, тем более в такое время крайнего перенапряжения научно-инженерной мысли и всего военно-экономи-

ческого комплекса, но тут сложно представить настолько качественный скачок технологий. Скафандр незнакомца постоянно видоизменялся, подстраивался под обстоятельства, словно сам обладал независимым разумом. Да и вообще сохранить своего носителя от удара стационарного парализатора – уже невесть какое достижение. А защитить от нескольких да от объединённого удара двух десятков единиц ручного оружия – такое вообще в голове не укладывается. Значит...»

Остальные измышления тоже выстраивались в логичную цепочку.

Например, сам факт ухода из такого места, где любая телепортация невозможна из-за контроля аннуляторов над пространством. Новый способ противодействия изобрести могли, даже теоретически его обработать, но на практике воплотить его в жизнь – дело для учёных не на один год. И уж тем более не на несколько месяцев. А ведь до того как попасть в это узилище, Пётр Васильевич был в курсе самых новых секретных и перспективных разработок этого направления. Не было подобной инновации! Совершенно ничего не было в плане контрдействия аннуляторам. И вот что получается? Он два месяца здесь – а за это время соратники и сподвижники совершили несколько эпохальных открытий?

«Нонсенс! Хотя верить, чего уж там, в него очень хотелось бы! – продолжал рассуждать позабытый всеми узник. – Только ведь Борис прекрасно знал, куда он попадёт. Не мог

не знать! И сразу бы, без раздумья, приступил к уничтожению вокруг как самих парализаторов, так и стен с полом, желая повредить как можно большее количество аннуляторов. При должной сноровке, счастливом стечении обстоятельств и огромной удаче у него могло получиться задуманное. Хотя спасти меня он всё равно бы не смог, меня бы попросту уничтожили, без скафандра – я кусок смертного мяса. То есть теперь мне только тщательный просмотр видеозаписей может подсказать: кто это решил наведаться ко мне в гости? И ко мне ли? С чего это я вообще решил, что лазутчик прибыл меня спасать? Может, он вообще здесь случайно оказался? А то и вообще был направлен для моего уничтожения? Нет... не сходится... Тогда бы он сразу меня расстрелял, и вся недолга...»

Глава 2. Заигрывания со смертником

Оказывается, о нём не забыли. Приборка помещения от крови и поиск малейших деталей экипировки ещё продолжался, когда пластиковые путы на ногах и руках ослабли, провисли, давая возможность нормально встать, подвигать затёкшими членами и даже отойти от стены на шагок.

И тут же в динамиках послышался ненавидимый голос Аскезы:

– Петенька, мы ждём от тебя благодарности. Всё-таки мы спасли тебя от смерти, и ты должен это оценить.

В иных случаях Светозаров игнорировал любые обращения к нему и тем более в сей момент не желал общаться с главой особого департамента, командармом Аскезой Мураши, редкостной сволочью, циничной убийцей и коварной предательницей. Но сейчас создавшаяся обстановка интриговала настолько, что промолчать, показывая полное равнодушие, сил не хватило:

– Надоело слушать твои дешёвые угрозы о смерти. Дай мне простой нож, и я покажу, как умирают настоящие мужчины.

– Нож? Ха! – хихикнула глава особого департамента. – Да тебе хватит простой иголки, чтобы лишить нас своего про-

тивного общества. Но уж поверь, будь моя воля, я бы давно разрядила в тебя весь барабан помпового арбалета. И так ты слишком зажился на этом свете. И толку от тебя больше никакого...

– Так чего же ты телишься, сучка недоеная? – Пётр зло-радно рассмеялся, внутренне готовясь к рывкам своих кандалов, которые могли его вмиг дёрнуть к стене, вновь распиная на ней, как мотылька. – Иди ко мне и не забудь прихватить свою любимую «помпушку». Авось и тебе один болт в самое нужное место попадёт рикошетом. Ха-ха-ха!

Как ни странно, путы не сработали в режиме «наказание-тревога». Что подтвердило появившуюся мысль: тюремщикам что-то надо от пленника. Что конкретно? Предположения имелись, но пока следовало скрывать личную заинтересованность, как и желание идти на контакт. А что он состоится – сомневаться не приходилось. Аскеза Мураши никогда оскорблений не прощала, тем более нанесённых при посторонних. И раз промолчала после слов «недоеная», намекающих на никчемность её и несостоятельность как женщины, значит, крепко держит своё самолюбие в кулачке необходимости. Правда, тон сменился с дружественного на угрожающий:

– Не тебе, урод беззубый, ждать от меня лёгкой смерти. Совсем недолго осталось, и сотня болтов превратит тебя в истекающего кровью дикобраза, уж я обещаю! И не тебе сомневаться в моих словах.

– Неужели? – бесшабашно и громко восклицал пленник, тыкая пальцем в одну из видеокамер над своим узилищем. – А не ты ли обещала, что сердобольных визитёров в мою камеру будешь пропускать только в прожаренном виде? А вот ведь пришёл ко мне гость, пообщался и ушёл. Как же так? Неужели и в твоём сердце имеется уголок сострадания и все-ленской справедливости?

– Закрой рот и слушай, что я скажу... – попытался перебить его женский голос.

– И не ты ли обещала в своё время бороться изо всех сил против диктатуры? Не ты ли проклинала Когтистого Дайри за убийства невинных мирных жителей?

– Если ты не забыл, я его и уничтожила...

– ...И тут же перешла на службу к ещё большему ублюдку за удвоенную зарплату! – Пусть имя нынешнего диктатора и не было сказано вслух, ведущийся и частично слышимый разговор сидящих в операторской младших и старших чинов на какое-то время прекратился.

Гадать о причине паузы не стоило: у Аскезы хорошо получается только провоцировать и угрожать, что для необходимого диалога неприемлемо. Похоже, высшие чины сейчас ругаются между собой и выбирают нового переговорщика. А когда выбрали и он заговорил, у Светозарова зануло в груди. Когда-то он верил этому человеку как самому себе, считал его кровным братом и делился любыми радостями или горестями. И при звуке его хриплого, грустного голоса хоте-

лось заткнуть уши, а ещё лучше – вырезать из памяти всё, что связывало с этим предателем. Память уже постаралась искоренить его имя, обозначая существо маленьким словом, с маленькой буквы. Это слово звучало просто – слизень.

– Пётр Васильевич, – говорил тот в таком стиле, словно они общаются в загородном доме, на террасе, за чашечкой чая. – А ведь мы и в самом деле спасли тебя от загадочного убийцы. Он прибыл убивать, его жертвой должен был стать ты. Ну и чего так кривишься? Не веришь?

Узник не стал затягивать с ответом, и кривился он совершенно по иной причине. Только обращался теперь к главе особого департамента:

– Госпожа командарм, извини за недавнюю резкость, осознаю, что погорячился. Даже не против выдать несколько комплиментов твоей красоте неземной. Готов именно с тобой не просто поговорить на любые темы, но даже выпить кружку-вторую медовухи. Да и генерал Жавен имеет право ко мне обращаться в любое время дня и ночи, как воин воина и как учёный учёного я его за многое прощаю. Но если я ещё раз услышу голос этого слизня, вы от меня больше слова не услышите.

На этот раз пауза оказалась намного короче:

– Ловлю на слове, Петруша! – томно проворковала Аскеза. – Тем более что выпить глоток горячей медовухи да в компании с тобой – в самом деле отличная идея. Заодно и переговорим по-человечески, а не как вивисекторы с под-

опытными мышками.

– Мышками? – притворился непонимающим Светозаров. – Никогда в таком ракурсе раньше не рассматривал общение со своими тюремщиками.

– Да перестань дерзить! А то опять извиняться придётся. – Мураши намекала, что опять даст слово слизняку, и узник сделал вид, что согласен, но от дополнительного намёка не удержался:

– Вообще-то употребление медовухи полезно только на полный желудок.

Нисколько при этом не надеялся, что его чем-то угостят, скорей и воды лучшей очистки не дадут, чего уж там мечтать о медовухе и тем более горячий. Но голос командарма прозвучал вдруг с непоколебимой настойчивостью:

– Неужели ты нас принимаешь за садистов? Конечно же, закуска будет соответствовать напитку. Только я тебя очень прошу, никуда не уходи и подожди нас минут десять. Хорошо?

– Ладно. – Ничего не оставалось, как принять навязанный тон общения. – Если десять минут, то подожду. Постараюсь заняться чем-то важным.

После чего принялся деловито приводить в порядок себя, путы из сверхпрочного пластика да и весь достигаемый участок стены. Адреналин всё ещё продолжал бушевать в крови после неадекватного события, в связи с чем хотелось двигаться, говорить, что-то делать. И последний обмен репли-

ками с Аскезой, хоть и казался унижением, попранием собственных принципов, всё-таки оставался необычно желаемым. По крайней мере, лучше уж было общаться с этой ядовитой коброй, чем с ничтожным слизнем.

«Общаться? И как это общение будет выглядеть? – рассуждал Пётр, старательно поправляя на чреслах тот кусок тряпки, который назвать набедренной повязкой даже язык не поворачивался. – Наверное, опустят для меня экран, чтобы я видел лицо этой гадкой Мураши, и она станет кривляться, строить из себя неземную красавицу... По поводу медовухи – скорей всего, дадут какую-нибудь дрянь подслащённую да сухарь в придачу. По крайней мере, за всё время плена иного отношения ко мне не выказывали. Ну и кормили только галлюциногенами... Правда, раньше сюда и Аскезу командовать не пускали...»

Не успел Светозаров погрузиться о плохом питании, как примчался служащий, которого можно было смело отнести к когорте местных интендантов. С безопасного расстояния, не заступая за синюю черту, он отдал узнику комплект разовой одежды. Шорты, некая жилетка без карманов и простые тапочки в виде подошвы и нескольких шлеек для удержания на ноге. Шорты и жилет состояли из двух половинок, скреплялись липучками и позволяли надевать на тело, не снимая цепей и кандалов. Причем, как ни осматривай одежду, как ни вздыхай, верёвки для подвешивания из неё не сделаешь, бумага – она и есть бумага. Наверняка газеты и те прочней.

Но пока Пётр Васильевич с хмыканьем надевал шорты, примчалось ещё несколько служак и сразу сумели поразить принесённым набором. Два походных столика и десяток вполне удобных и прочных раскладных стульев. Азарт немедленно запылал в глазах пленника, но всё это было установлено вне досягаемости его рук и ног.

«Жаль! Опять ничем себе не смогу повредить... Но неужели кто-то пожелает спуститься сюда? Неужели им настолько важно личное общение? Хотя если Аскеза прикажет, то в эти подземелья все генералы сбегутся как миленькие... А почему? Что такого ценного они высмотрели в записи события? Наверное, что-то страшное для себя... Или опасное? Или что-то стряслось вне моего узилища? Знать бы ещё, что именно? И как это использовать в собственных интересах?..»

Дальше чудеса не прекратились. Примчавшиеся с подносами разносчики с кухни живо уставили столики с закусками, несколькими блюдами и напитками. Даже три кувшина с парующей, явно горячей медовухой поставили. Моментально разошедшийся аромат уничтожил все неприятные запахи как самого узилища, так и недавнего кровавого побоища. А потом так жестоко ударил по внутренностям пленника, что он устоял ровно лишь благодаря максимальным волевым усилиям. Больше двух месяцев он не ел ничего стоящего и уж тем более горячего. Вот потому разложенные на столике деликатесы только одним своим видом вызвали бо-

лезненные спазмы желудка.

«Не хватало мне в обморок сейчас грохнуться! – словно мантру твердил про себя Светозаров. – А с другой стороны, могу ведь и стоя слюной захлебнуться... И откуда во мне её столько взялось?.. Неужели это я настолько ослаб морально, что готов за глоток хмельного напитка на общение с всякими тварями, врагами и предательницами? Хм! Надо взять себя в руки! Ещё лучше – гордо отказаться от любого предложенного угощения!..»

Подобное легче задекларировать, чем сделать. Лишь полностью отвернувшись в иную сторону да вызвав в памяти картину смерти близкого человека, удалось абстрагироваться от ароматов, овладеть мимикой лица и слюноотделением и с полным спокойствием встретить раздавшийся за спиной змеиный голос:

– Как хорошо, что ты нас дождался! Тем более что пять минут опоздания дамам положено прощать. Не правда ли?

– Так то дамам! – Узник постарался вложить в восклицание побольше пафоса. И лишь затем стал поворачиваться к рассаживающимся гостям со словами: – А где их взять в этой цитадели лживой науки, вульгарной военщины и политических проституток?

И надолго замолк, с удивлением рассматривая тех, кто отправился в это место для беседы с государственным преступником, приговорённым давно и заочно к смертной казни. Особей женского пола оказалось неожиданно сразу три. Но

если надменная и спесивая Аскеза вполне ожидалась во главе всей группы, то две дамы, скрывающие свои лица за мерцающими масками «кар», казались совершенно неуместными в данной обстановке. Причём они были облачены в платья простых, ну разве что слишком тщательно за собой следящих горожанок. Явно не военщина и явно не из научной братии. Но кто они и с какого бодуна сюда явились – даже предположений не возникало.

Присутствовали также генерал Жавен, ещё два типа с генеральскими знаками отличия, несколько мрачных громил из особого отдела и два «яйцеголовых», ведущих инженера всего комплекса. Этим двоим приходилось видеть частенько в течение последней недели, пока техники пытались отладить и запустить в действие «Могильщика», громадного робота с длиннющими манипуляторами, который поблескивал пока бесполезной грудой железа в углу помещения.

Чуть в стороне от всей группы, в инвалидной коляске восседал тот самый бывший друг, почти брат, а нынче умещающийся в краткое слово «слизняк». Его физическое состояние не интересовало узника, а вот сам факт присутствия возмутил:

– А что это чмо здесь делает? Я ведь дал согласие...

– ...Говорить со мной, если данный господин будет молчать! – продолжила за него командарм Мураши. – Вот он и дал слово, хи-хи, что слова не скажет в твоём присутствии. Слишком уж хотел на тебя посмотреть вживую.

– Пусть смотрит, лишь бы рта не раскрывал. – Пётр уставился прямо в глаза главы особого департамента, показывая, что отвлекаться на коляску для инвалидов больше не намерен. – И какова тема нашей сегодняшней беседы?

– Вначале давай выпьем за твоё чудесное спасение! – Она первой взяла в руки металлический кубок с парующим напитком, тогда как парочка разносчиков живо наполняла кубки иных визитёров. – Хотя я сама мечтаю о том часе, когда приведу приговор в исполнение лично, сейчас вынуждена признать, что твоя гибель оказалась бы немалой бедой для всех нас.

Один из дневальных наполнил разовую кружку из плотного картона медовухой и аккуратно, не заступая дальше запретной линии, вручил её Светозарову. Впоследствии так же осторожно подливал горячий напиток и весьма деликатно передавал тоненькие картонные тарелки с наложенной в них пищей. Вместо приборов, пусть даже пластиковых, подал пленнику куски хлеба.

«С чего это вдруг такой аттракцион неслыханной щедрости?! – поражался узник, стараясь пить медленно, сдержанно, давя в себе желание опрокинуть дурмящий напиток залпом, не ощущая послевкусия. – Неужели они подумали, что я узнал странного гостя и сейчас им вот так сразу всё о нём и расскажу? И чего эта кобра всё талдычит о моём спасении? Пора спросить прямо в лоб...»

Что и сделал, как только допил кружку до дна и закинул в

себя, не пережёвывая, поданную порцию чего-то картофельного с каким-то мясом:

– Назови хоть одну причину, по которой мой коллега, проходчик между мирами, желал бы моей смерти. Только без демагогии и пустозвонства, конкретно, чётко и кратко.

И приложился ко второй кружке медовухи, только тогда распробовав: качество великолепное! Один из лучших, если не сам сорт «Урожайная». Недаром его все присутствующие потягивают с удовольствием. Даже Аскеза не сразу оторвалась от своего кубка.

– Кратко никак не получится. При всём своём желании вообще оставить тебя в неведении вынуждена сделать некоторые экскурсии в историю, пояснить недавние, новые законы и обрисовать политическую ситуацию в наших мирах. Но для начала мы тебе раскроем итоговое коммюнике по твоему несостоявшемуся убийце. Конечно, учёные продолжают работать над всеми иными деталями, но и того, что сразу бросается в глаза – вполне достаточно для главного вывода. Смотри...

И она начала с демонстрации. Несколько экранов зависло над столами, а один в пределах черты безопасности, на уровне лица узника. Затем покадрово стали прогонять все самые интересные моменты, а командарм, делая иногда короткие паузы для «попить да поесть», давала свои пространственные комментарии.

По ним получалось одно: пришелец явно не из миров

Долроджи. Ни в одной из четырёх звёздных систем не имелось и части тех технических новшеств, того оружия и той невероятной защиты, которыми обладал пришелец. Ну и напоследок он сумел уйти, попросту вырезая полем своей телепортации уникальные по прочности скафандры, вместе с остающимися там частями тел. Иначе говоря, некто из дальних, ну очень дальних миров, каким-то образом прочувствовал для себя опасность мира Долроджи и неотложно попытался от неё (опасности) избавиться.

– Сложно понять, почему он сразу не задействовал оружие против тебя, – рассуждала после подведения итогов Аскеза. – Но, скорей всего, сработала косность мышления агрессора. Он никак не ожидал оказаться в технически развитой цивилизации. Пришёл глянуть да прицениться, а сразу попал в кипяток наших парализаторов.

Светозаров старался не кривляться в скептических ухмылках, почти перестал пить и только усиленно наедался впрок. Ну и радовался, что прочитать его мысли никто не сможет, потому что именно он знал нечто, никому из присутствующих пока неведомое. Знал, но не имел понятия, как толком этими знаниями воспользоваться. Да и стоит ли?

В любом случае хотелось, чтобы глава особого отдела высказалась до конца:

– Да пусть он хоть из чертогов дьявола явился по мою душу! Пусть и они существуют, как и надуманные кем-то миры, но зачем им моя смерть? Какой смысл меня уничтожать?

Аскеза манерно взмахнула в его сторону ладошкой:

– Не прибедняйся, Петя! Уж мы-то знаем, насколько ты велик, могуч и уникален. Но чтобы ты всё осознал в полном масштабе, расскажу, о чём ты не мог узнать за последние два с половиной месяца. И начну с истории...

В двух словах напомнила, что во все времена существовали легенды, сказки, мифы и притчи, по которым получалось, что миры Долроджи не одиноки в космической пустоте смертельно холодного вакуума. Да и сам Светозаров прекрасно знал историю местной мини-галактики, затерявшейся в непонятных просторах Великого Космоса. И сказки те слушал не раз.

Мол, далеко-далеко имеются иные сгустки звёздных систем, где оных не четыре, как здесь, а много, много больше. Сотни, а то и тысячи. Вот те сгустки и называются галактиками, только никогда и никем не виденные и на ощупь неосязаемые. Ну и понятное дело, что в сказках часто говорилось о Звёздном мосте, по которому либо предки ушли в иные вселенные, либо сами сюда попали, оставив потомков в неведении о своей истинной прародине.

Но именно сказки помогли тысячу лет назад местным цивилизациям совершить титанический рывок в техническом развитии. А сто тридцать лет назад учёные сумели открыть и техническую телепортацию. Все четыре звёздные системы стали досягаемы почти для любого технически оснащённого воина. Но вместо объединения и всеобщего благополу-

чия миры Долроджи погрязли в непрекращающихся вот уже более чем сотни лет войнах. Казалось бы, в крови утонет всё, и цивилизация вновь откатится на уровень средневековых варваров. Но именно девяносто восемь лет назад появились первые телепортёры, или, как их называли, «проходчики» между мирами, которые не пользовались для этого техникой. По некоторым мифам «проходчики» существовали всегда в истории, только временами вымирали или искусно прятались. Мифам никто не верил, верили новейшей истории. А она твердила: уникальные индивидуумы появились именно в означенный период. Причём они вытягивали переход в любую точку пространства лишь на своих физических, завязанных на совсем иных законах возможностях. Причём тотчас стало понятно, что большинство детей у них рождались с точно такими же умениями.

Это резко приостановило войны, потому что добровольцы при желании могли «пройти» теперь к любому правителю и уничтожить того в любом скрытом бункере. А это, в свою очередь, подстегнуло очередной виток технического совершенства. Так что обитателям мини-галактики повезло, они не вернулись к проживанию в пещерах. Всеобщей бойни удалось избежать.

Тогда же были предприняты отчаянными смельчаками первые попытки уйти по тому самому легендарному Звёздному мосту на прародину предков или Новые земли потомков. Только, увы! Ни тогда, ни в последнее время ничего о

положительных результатах известно не было. Все, кто уходил, – не возвращались. Поэтому мнение учёных окрепло окончательно: иных галактик не существует! А разведчики попадают в ледяной, пустой вакуум и попросту там умирают. Ещё и массу блестяще доказанных теорий создали, подтверждающих предварительные выводы.

Ну и за сотню лет с «проходчиками» что только не творили. То уничтожали всех поголовно, выплачивая гигантские премиальные за скальпы уникальных сограждан. То возносили их на вершины славы, почёта и уважения, заставляя при этом отправляться в тылы врага и безжалостно уничтожать там всё, что шевелится. Вследствие таких пертурбаций поколения и кланы «проходчиков» не сложились исторически, оказались весьма малочисленны и очень часто существовали в подполье. На них велись гонения, за них и по их вине начинались новые войны, и, по сути, уже объединённая, пусть и всеобщей резнёй, цивилизация никак не могла определиться: уничтожить или распространить наследственный геном физической телепортации среди всего населения.

Причём вопрос решался на самом высшем уровне, среди императоров и диктаторов, которые управляли планетами, а то и целыми системами. Как раз об этом и заявила Аскеза, когда в двух словах напомнила историю Долроджи:

– Решение принято! И наш император обязал как можно быстрее претворить новые директивы в жизнь. Определена конкретная цифра: четверть рождённого в ближайшие

пять лет потомства превратить в потенциальных «проходчиков». Для этого издан закон, возвышающий таких, как ты, до вершин наивысшего национального достояния. Отныне всё будет сделано для того, чтобы жители нашей империи уже через сто лет поголовно стали сродни тебе. Так что гордись, Пётр! Тебе уготована великая судьба стать прародителем огромного количества детей. И этот тост мы поднимаем за твоё здоровье!

Выпили все, кроме самого узника. Он с непониманием пялился на командарма, а потом всё-таки спросил:

– Так меня что, собираются насильно женить?

– Фи! Как ты мог о нас так плохо подумать? – укорила его Аскеза. – Уж я-то прекрасно знаю, с каким трудом ты сходишься с новыми женщинами. Особенно если они пытаются тебя на себе женить. Станешь нервничать, злиться, снизится потенция и... Полный провал программы изменения генофонда! А оно нам надо? Ни за что! Поэтому тебе создадут райские условия, будут прекрасно кормить, баловать и выполнять все прихоти. Ну и раз в два дня или, может, ежедневно вот эти две милые дамы будут доставлять тебе эротическое удовольствие. О! Чего ты так застенялся?.. И не переживай ты так! Вся дальнейшая забота о деторождении, кормлении и воспитании ляжет на плечи нашего государства.

Светозаров непроизвольно сжал в кулаке картонную кружку, проливая медовуху на враз ставшие разлезаться

шорты:

– Так вы меня кем хотите сделать?!.. Скотом-осеменителем?!..

– Опять ты сгущаешь краски. И акценты надо расставлять правильно. Ну, сам посуди, в случае твоего согласия казнь отменяется! Тебе даруется жизнь! Разве этого мало? Причём жизнь, которой позавидуют все мужчины без исключения: сладкая, сытная, беззаботная... А если эти женщины тебе не понравятся, ты будешь вправе выбрать любых, которые тебе более симпатичны. К тому же со временем тебе дадут право выступать с публичными заявлениями, даже участвовать в политических движениях...

– Ты хоть сама соображаешь, что сейчас несёшь?! – заревел Светозаров на Мураши, словно раненый буйвол. – Какая политика?! Какие могут быть выступления?!

– Всё очень просто. Уже несколько дней по всем новостным каналам даётся информация, что ты согласился на сотрудничество и с радостью присоединяешься к великому проекту по предоставлению каждому гражданину нашей империи права на свободную, ничем и никем не ограниченную телепортацию. Как раз то, за что ты в последние двадцать лет боролся, не щадя живота своего.

Узник помотал головой и попытался с презрением фыркнуть:

– И этому поверили?!

– Честно скажу – не все! – с сожалением и прискорбием

кивнула женщина. – Осталось ещё много недоумков из твоего окружения, которые никак не могут понять, почему ты согласился на сотрудничество с императором. Но статьи пишутся, разъяснения ведутся, понимание постепенно приходит в головы самых непоколебимых ортодоксов. Ну а когда начнутся первые запланированные беременности, наиболее желчным скептикам будут предъявлены научные доказательства именно твоего отцовства. Вот тогда уже и самые необузданные охламоны остепенятся и воссоединятся с народными массами в едином стремлении к светлому будущему. Кстати! Все остальные государства приняли аналогичные программы развития. Поэтому каждый «проходчик» становится невероятно ценен, многим уже розданы пышные титулы с землями, даны министерские портфели в правительствах. Так что и ты, если станешь сотрудничать и будешь вести себя правильно, можешь оказаться на свободе с титулом герцога да в должности, например, моего заместителя.

Она ещё что-то говорила, расписывая безоблачное будущее племенного бычка-осеменителя, а Пётр Васильевич вдруг заметил всё большее, нарастающее в себе беспокойство. Казалось бы, и так в бешенстве от услышанного, но некое предвидение нашёптывало, что это ещё не все неприятные сюрпризы сегодняшнего дня. Уж он хорошо знал командарма, даже слишком, а потому не сомневался в её умении чётко и последовательно доказать любую аксиому, вывод или логичную выкладку. И раз она вначале разговора

пообещала доказать появление незнакомца-проходчика с целью убийства, значит, сделает это обязательно. Причём делает вот-вот. Ибо все отступления по поводу истории были изложены, ссылки на новые законы даны и политическая ситуация во всей мини-галактике обрисована. Даже присутствие скрывающихся за масками дам получило неожиданное объяснение.

Светозаров отбросил смятый ком картона в сторону и жестом попросил дневального налить ему очередную порцию медовухи. Хмель и так уже презрительно ударил по лишившемуся навыков питья сознанию, но аналитическая его часть продолжала думать с холодной, даже циничной расчётливостью:

«Начать с того, смогу ли я после перенесённых пыток и мучений возжелать женщину. Мне и так уже пятьдесят восемь лет, и, чего от самого себя скрывать, в последние годы я не настолько рьяно бросался на представительниц прекрасного пола. Да и смерть Гаранделлы меня в этом плане сделала чуть ли не на полгода импотентом. Хотя морально в тот период вроде как хотел, но физически ничего не получалось. И так удивляюсь, что потом стало нечто выходить... И то лишь потому, что чаще представлялась в объятиях именно Гаранделла. То есть данный аспект ясен: насильственный сбор в пробирку сперматозоидов вряд ли у них получится. Пусть даже эти дамы невероятной красоты и являются Мисс Империи последних годов. А вот моё осознанное согласие

на сотрудничество они попытаются вырвать. Пока ещё непонятно какими средствами... И кажется, именно это меня больше всего беспокоит...»

К тому моменту глава особого департамента закончила расписывать прелести счастливого будущего и перешла к финальной части разговора:

– Пора тебе уже пояснить, кто и зачем пытался тебя убить.

– Уж будь добра, сделай такую милость! – Узника пробило на ёрничество. Но это мадам Мураши не понравилось:

– А сам догадаться не можешь? Или совсем отупел от нескольких глотков выпитой медовухи?

– Не стану напрасно сотрясать воздух, доказывая, кто из нас и в какой плоскости лучше соображает. В этом вопросе даже наш бравый генерал Жавен не станет сомневаться... правда, Триид? Ты ведь настоящий воин?

Начальника охраны всего комплекса удалось застать несколько врасплох. Он пропустил смысл первого утверждения, зато решительно согласился со вторым. Вслух ничего не высказал, только кивнул и довольно улыбнулся. Вот тут кобра и показала свои ядовитые зубы. Уж она-то прекрасно поняла, на какую «плоскость соображения» намекнул Светозаров, и это её бесило больше всего.

– Генерал Триид Жавен! – зашипела она на вояку. – Не слишком ли вам жарко умничать на своём тёплом месте?

– Аскеза, ты о чём? – нахмурился тот с непониманием в ответ. Но вдруг наткнулся на тяжёлый взгляд развернувшие-

гося к нему подручного главы особого отдела и сразу сник. Отвёл взгляд и даже стал как-то меньше ростом. Вспомнил, сообразил, осознал. Тем самым подавая хороший пример остальным коллегам, которые тут же погасили у себя на лицах иронические, все понимающие улыбки.

Тогда как мадам Мураши вновь продолжила разговор с «проходчиком», словно и не прерывалась на общение с посторонними. Разве что стала чуть вежливее, не употребляя уничижительных сравнений:

– И всё-таки постарайся подумать и выдать мне хотя бы несколько версий, по которым тебя хотели бы убить.

– Несколько? Да хоть десяток! Первая: иные государства не желают, чтобы империя успела провести программу замены генофонда быстрее их. Вот и решили убрать меня со сцены, самого молодого, наиболее красивого и ретивого жеребца-производителя.

– Молодец! – обрадовалась дама. – И ведь почти угадал! Только в двух деталях есть расхождения с истиной. Первая – красотой ты отнюдь не блещешь. Вторая – неправильно определил заказчика твоего уничтожения. «Иные государства» – тут ни при чём. Бери шире, мысли глобально.

– Ага! Неужели всё мировое сообщество против меня сговорилось?

– Ещё горячей! Только опять не дотянул до верных выводов. Чтобы тебя не мучить, сразу расскажу ещё одну новость, о которой ты не узнал в последнюю неделю по причине тво-

его жуткого затворничества.

– Да уж! – Сидящему на цепях человеку, ничего больше не оставалось, как демонстративно позвенеть сдерживающими его оковами. – Я – такой!

Аскеза даже ладошки сложила, словно похлопала за такой ответ. И тут же стала рассказывать о достижениях астрономов. А те и в самом деле поражали. Совсем недавно получили снимки с самого мощного, новейшего телескопа «Вакуум-5». Его уже давно строили на астероиде Шок, массивном объекте открытого космоса, который имел наиболее удалённую орбиту вокруг галактики. И вот недавно закончили наладки, сделали первые снимки, и те стали сенсационными. Те самые пятнышки света, которые прежними телескопами просматривались на пределе видимости как мерцающие искорки, при многократном приближении стали похожи на кружки и плоскости иных галактик! И даже по скромным подсчётам, звёзды в каждой из тех галактик исчислялись сотнями тысяч, если не миллионами.

То есть отныне в мирах Долроджи уже никто не сомневается, что существуют иные вселенные с проживающими в них то ли предками, то ли потомками. Начались эйфория, празднества, перемирия, а то и полное окончание некоторых войн. Вполне возможно, что как раз на волне этого всеобщего миротворчества, братания и любви и родилась идея резко увеличить поголовье «проходчиков», чтобы впоследствии было кого посылать на разведку в иные миры. Ведь аксио-

ма силы не меняется: физические телепортёры вкупе с техническими средствами обладают большей дальностью перемещения, чем просто солдаты, несущие на себе устройство телепорта.

Ну и прислушиваясь к звучащим в адрес астрономов панегирикам, Пётр Васильевич понял самую главную подноготную начавшихся мирных преобразований.

– Ага! Значит, диктаторы, императоры и прочие правители быстро поняли, что воевать друг с другом невыгодно? И решили все свои усилия сосредоточить на завоевании иных галактик? – И в притворном восторге покачал головой. – Вот это аппетиты! Вот это масштаб!

Кажется, он отгадал самое потаённое, что полагалось знать лишь наиболее приближённым, особо доверенным лицам правителей. Потому что враз заледеневшие глаза главы особого департамента чуть ледяными сосульками метаться не начали. Хоть тон и остался материнским, укоряющим:

– Везде ищешь двойное дно? Даже в самом святом, всенародном празднике? Ну да пусть совесть будет тебе судьёй, а судьба тебя и так накажет. Но мы сейчас говорим о другом. Точнее говоря, констатируем состоявшийся факт. Как только в иных галактиках узнали о наших открытиях, сразу всполошились...

– Постой, не части! – попросил Светозаров. – Чего им волноваться и как они могли узнать о нашей жизни?

– Как узнали? Да они следят за нами постоянно! В этом

наши аналитики уже не сомневаются. Как и в том, что нас сильно опасаются. Потому и всполошились. Потому и решились на крайнюю меру: уничтожение самого сильного экземпляра среди наших «проходчиков».

Узник несколько мгновений ошарашенно пялился на даму, а потом громко, вполне искренне расхохотался:

– Разные виды паранойи мне известны, но подобный вариант встречаю впервые! Да кому мы нужны в иных мирах? Тем более если их обитатели имеют возможность постоянного за нами наблюдения?! Оружие они наше изучат, тактику и стратегию переплюнут, любого агрессора встретят заранее и сразу же сотрут в песок, а потом испарят этот песок аннигиляцией. Полный бред эти твои измышления и страхи. Как и выбор цели для изощрённого убийства такого беззубого и старого пленника! – Дабы насолить собеседникам, а то и нагадить им в душу, звенящий кандалами человек не постеснялся открыть во всю ширину рот, демонстрируя провалы зубов и обращаясь к скрывающимся за масками «кар» женщинам: – А в самом деле, неужели вам будет приятно целоваться с таким покалеченным уродом, как я?

Хорошо попал, в точку! Обе горожанки не смогли удержаться от содрогания, а потом ещё и плечами повели, словно озябли. Понималось и без лишних объяснений, что красотки всё равно будут вынуждены сделать всё, что им скажут. Раз они здесь находятся, то уже повязаны намертво с особым отделом, отступать им некуда. Но пусть хоть так помучают-

ся да пожалеют, что продались в подлые и мерзкие руки. И жалость косящихся на дам генералов выглядела более чем унижительной и прискорбной.

Казалось, лишь Аскезу происходящее веселит, если вообще не радуется. Она выждала паузу, после чего с улыбкой обратилась к начальнику охраны и руководителю всего объекта:

– Вот видишь, Триид, девочки ему понравились, он их даже застеснялся. Так что иди, устраивай их со всем комфортом, ну и своих забирай...

Вскоре ушли почти все. Рядом с мадам Мураши остался один из её подручных, да так и замер на своей коляске чуть в стороне подлый предатель.

Наверняка разговор должен был продолжиться весьма и весьма секретный.

Глава 3. Новое открытие

В невероятной дали от мини-галактики Долроджи, в мире Зелени, недавно отгулявший собственную свадьбу граф Дин Шахматный Свирепый лениво переругивался с дочерью. Ленъ выражалась в том, что говорили они мысленно, спорить вслух у хозяина Свирепой долины не было ни сил, ни настроения. Да и руганью их диалог можно было назвать с некоторой натяжкой. Скорей это напоминало капризные требования одной разбалованной, уверенной в своём праве требовать особы и ворчливые стенания-отмазки другого, измученного старостью и болячками человека. Причём если сравнивать возраст обоих, то граф был и в самом деле раз в сто старше Эрлионы. Ведь той ещё и полгода не минуло, а ему уже вскоре должно было исполниться тридцать пять лет. Огромная разница, сразу заведомо усложняющая нормальный диалог между поколениями. Казалось бы...

Только и дочь-то была не простая. По всем юридическим законам, канонам и понятиям подобное существо нельзя было назвать кровной родственницей, приёмной, единоутробной или ещё как-то. Разве что совокупностью слов: духовной, местечковой, моральной, воспитанной, собственной, магической, волшебной, художественной, живописной... и тому подобное. Наверное, поэтому и официально принятое обозначение особи звучало как «магическая сущность». Ро-

дилась она в замке графа Дина, можно сказать, на совокупность собранных им же средств, при помощи собранных им же из нескольких миров учёных и при живейшем участии и поддержке лучших молодых целителей из десятка иных миров. Ну и при личном участии непосредственно в момент родов, которое заключалось в пении вместе со всеми священного гимна целителей.

Умом, магической да и физической силой Эрлиона ещё в первые месяцы своего существования опередила если не всех, вместе взятых, своих создателей, то уж каждого по отдельности – точно. В пределах огромного замка, превращённого владельцем в Академию Целительства, Эрлиона контролировала буквально всё. Она была везде, слышала и видела всё, могла переговариваться мысленно или вслух с любым обитателем и даже проверять собственными силами практически все процессы и события. Конечно, её контроль являлся выборочным и ощущался лишь в крайних случаях. Падающей лампочке она давала упасть и разбиться. Споткнувшемуся ученику не мешала растянуться во весь рост и расцарапать нос. На какую иную мелкую порчу имущества или коленок она вообще внимания не обращала. Пусть сами ремонтируют, кто провинился, и залечивают свои царапины, кто этому и должен научиться.

Зато про угрозу пожара – можно было не волноваться. Затопление подвальным этажом тоже не грозило. Перебои в освещении или в горячей воде – давно не беспокоили

управляющего замком. И даже каменные массивы, окружающие гигантское тело дворца-академии, контролировались магической сущностью на предмет изломов, сотрясений или чрезмерного давления на проблемные участки. То есть Эрлиона как истинная женщина (по крайней мере, уверенно считающая себя женской особью) с удовольствием опекалась домом, очагом и семейным бытом, помимо своего основного увлечения магическими и прочими науками.

Другой вопрос, что совсем недавно (не прошло и трёх недель) в замке появилась ещё одна магическая сущность. Причём она уже на второй день заявила, что является индивидуумом мужского рода, выбрав себе звучное имя Эльвер-Аусбурн Свирепый Шахматный Первый. И не так давно добавивший к своему сокращённому имени Эль, отчество по отцу – Динович. Причём в официальной обстановке требовал к себе более полного обращения: Эльвер-Аусбурн Дмитриевич.

Вот как раз опека над младшим братом, который доставлял Эрлионе массу хлопот, нервотрёпки и возмущения, и послужила сегодня поводом для семейной перепалки. Дмитрий Светозаров, аки граф, имеющий кучу иных титулов, обязанностей и поводов для опекунства, недавно прибыл с важной встречи и банально хотел спать. Благо, что супруги дома не оказалось, она отправилась погостить в Лудеранский лес к своим боевым побратимам по работе в конторе на Земле и появилась возможность хоть несколько часиков толком вы-

спаться до её возвращения. Но в сознание врываются вполне обоснованные укоры, которые хозяин замка не имел права игнорировать:

– Ты совсем дистанцировался от воспитания Эля, взвалив эту задачу на мои плечи! – досадовала дочь. – А это неправильно! Подобное недопустимо!

– Ох, милая! Как я тебя понимаю... Но не могу же я разорваться? – взывал к её совести Дин. – Да и ты, как моя старшая дочь, невероятно умная, имеющая гигантский авторитет личность, наверняка можешь приструнить любого...

– Нет, пап! Ты, наверное, не представляешь, о чём говоришь. Я его пытаюсь приструнить, так он возмущается. Я для него – совершенно не авторитет! Он считает, что я его не понимаю, зажимаю его инициативы, гублю его таланты и не даю ему развиваться. Нет, ты слышал такое? А когда я его прошу помочь в работе ректору Академии, попутно при этом изучив все магические характеристики кристаллов-накопителей, добываемых в данный момент кальмарами, он игнорирует мои просьбы. Утверждает, что ему это скучно и неинтересно.

– Ну-у-у... – в задумчивости протянул граф. – Честно говоря, и я в этих характеристиках толком разобраться не могу. О них с упоением только умник Тител может разглагольствовать... ну и ты, конечно же!

– Вот! Именно! – ещё больше разошлась магическая сущность. – Этот мелкий проказник заявил почти теми же сло-

вами: «Вам с ректором надо, вы с ним и изучайте!» Каков нахал! А ведь мы все подсчитали давно: его магический потенциал в два, папа, вдумайся в эту цифру! В два раза выше, чем мой! Да он должен подобные кристаллы «одной левой» создавать играючи!

Дмитрий Светозаров не знал, как деликатно свернуть разговор да дочь при этом не обидеть:

– Эрли, милая, а может, э-э-э... ты к нему слишком строга? По сути, ведь он ещё совсем маленький, он ведь только начал путь своего становления, взросления, понимания окружающей среды. Он ещё как ребёнок малый...

И тут же скривился от очередной волны упреков в протекционизме, родственном кумовстве, потакании в лени, баловстве несознательных недорослей и прочее, прочее, прочее.

– Да я в его возрасте уж всеми лабораторными экспериментами опекалась, без меня ни один опыт не проходил, самого Дассаша Маххужди, бывшего злобного императора, перевоспитывать взялась, с каждым целителем контакт завела и знакомство укрепила! А он всякими фокусами занимается и ничего слушать больше не хочет.

– Мм?.. Какими фокусами? – решил конкретизировать Дмитрий.

– Хочет воплощаться сознанием в созданные копии иных существ или предметов и уже вместе с ними путешествовать по иным мирам! – с готовностью выложила Эрлиона. – И ведь уже все доказали, барану упёртому, что такое невоз-

можно, неправильно и противоречит основным постулатам прикладной духовной магии. А он вбил себе в бассейн с суспензией эту идею и уже пятый день только с ней и носит. И во всём остальном – ни в чём от него помощи не допросишься.

– Так, может, и не надо его трогать? А? Сам наиграется и успокоится...

– Папа Дима! Вот не ожидала я от тебя такого ответа, честное слово! – Судя по несущимся от Эрлионы эмоциям, она серьёзно обиделась. – От тебя помощь требуется срочная, а ты от меня, словно от мухи, отмахиваешься!

Неожиданно графа чуть на смех не пробило, когда он представил себе муху величиной в свой замок-академию, которую следует отогнать мухобойкой размером с планету или с солидный материк. Чудом удержался от неуместного хохота, сделав вид, что закашлялся, и только через минуту, покраснев от натуги, выдал из себя:

– Готов сделать всё, что скажешь! Перечисляй, что конкретно от меня требуется?

– Ну, поговори с ним, в конце концов! Ты же – главный и наиболее уважаемый отец, недаром он отчество именно по твоему имени себе присвоил. Усовести, призови к ответственности, напомни, что взрослых надо слушаться и что старшая сестра ему только добра желает.

– Да это я запросто! – Дмитрий с тяжёлым вздохом открыл глаза, уселся на кровати, понимая, что, пока не проведёт по-

литико-воспитательную беседу, выспаться всё равно не дадут. – Зови его, пообщаюсь...

– Сейчас... где-то тут был... – бормотала магическая сущность в недоумении. – Вот чувствую, что где-то рядом... Эй! Эль?! Ну-ка покажись папе! Что, тебе не понятно? Эльвер Дмитриевич, не нервируй меня!

Неожиданно еле слышный голосок послышался со стороны большого зеркального трюмо, занимавшего половину стены спальни:

– Чего кричать?.. Здесь я.

Что наиболее примечательно, Эрлиона тоже источник звука идентифицировала правильно, а вот рассмотреть, кто говорит и откуда, не смогла. И это с её тотальным ощущением всего замка! С умением в случае необходимости концентрировать свою гигантскую магическую мощь на острие любого микроэксперимента.

Она даже растерялась и немножко запаниковала:

– Не поняла... Чего это я Эля не вижу... Маленький, ты где?!

– Па! – опять послышался всё тот же голос. – Запрети ей меня называть маленьким, Малышом, лапушкой, зайчиком и прочими неуместными прозвищами!

– Мм... понимаешь... это она так любя обращается...

– Ты ведь меня тоже любишь? Но всё равно не называешь «сахарным бегемотиком»! Или «мягким медвежонком»? А?

– Ну-у-у... я-то тебя меньше вижу. В магическом пла-

не... – Хотелось добавить, что Эрлиона выросла без присущих любому ребёнку игрушек и пытается нянчить младшего брата, словно куклу, но вовремя удержался от такого сравнения. – Ну и она, как старшая, как большая, имеет некоторое право дачи тебе ласкательно-уменьшительных прозвищ. В семье это нормально.

– О-о-о! Ну это уже перебор! – Голос Эльвера-Аусбурна стал сильней и мощней. – Отец, какой же я маленький, если я в магическом пространстве раза в три больше Эрлионы! Это же смех на такое со стороны смотреть, когда Моська хватается слона за ногу и пытается приструнить: «Осторожней! Не прыгай! Упадёшь!»

– Ах! Так я, значит, Моська?! – Таким тоном магическая сущность, опекаемая всем замком, ещё ни разу не высказывалась. – Даже слышать тебя не хочу!

После чего раздался оглушительный звон разбитого стекла. Именно с таким, но десятикратно меньшим шумом Эрлиона всегда делала вид, что демонстративно уходит из каких-то помещений. И даже магически туда не возвращается, пока её не попросят, предварительно извинившись.

То есть мужчины как бы остались одни. Разве что графу ещё предстояло понять, где его собеседник и почему его никак нельзя прочувствовать в магическом плане.

– Ну вот, обидел сестру...

– Да я не хотел... Случайно сравнение нехорошее получилось. Извинюсь потом... – послышался покаянный вздох

Эля. – Но она порой такая надоедливая, во всё вмешивается, спокойно и минутки не даст поработать, – стал жаловаться сын сочувственно кивающему папочке. – Ну нельзя же так! Она мне не даёт спокойно развиваться!

– Хм... Эрлиона просто переживает за тебя... А что, ты и в самом деле по размерам магического объёма в три раза больше?

– Не-а... не в три... В четыре. Если не в пять... – признался магический индивидуум и тут же поспешно добавил: – Но ты не сомневайся, хоть она и маленькая, я сестру сильно люблю, да! Просто мне эти все сюсюканья с её стороны не нравятся. Понимаешь?

– Понимаю... Только тебя почему-то не вижу. Ты где?

Эль Динович развеселился:

– Мама Саша меня бы сразу заметила! У неё тут всего три баночки со специальными кремами, и четвёртой, новой, она бы сильно удивилась.

Граф Дин Шахматный Свирепый всем телом подался к трюмо, выделяя посторонний предмет на поверхности столешницы. Вроде как определил, вроде как стал всматриваться, вроде как попытался сообразить, но всё равно вначале величие предоставленного ему открытия в сознании не умещалось. Точнее говоря, не поддавалось правильной оценке, формулировке, научной трактовке. Граф прекрасно знал, что магическая сущность физически обретается в громадном бассейне с суспензией из сотен магических ингредиентов.

тов. Там же в бассейне уникальная вертушка – плод технического совершенства не одной сотни лучших целителей мира Зелени. То есть физически – сын там.

Магически – он тоже может виртуально находиться где угодно в замке, в десятке тысяч мест одновременно. Может и простое силовое воздействие оказывать, как и структурой волшебства влиять на пространство. Но вот воплотить частичку своего магического «я» в обычный, ничем не отличимый от остальных предмет, считалось невозможным. По крайней мере, все эксперименты, сделанные ранее Эрлионой в этом направлении, завершились безрезультатно. А потом и Тител Брайс, Верховный целитель и ректор Академии, подвёл теоретическое обоснование неудавшимся пробам.

Но что случилось в данном случае? Совершенно новое открытие? Или сделано нечто иное, кардинально отличимое от прежнего понимания и пока неосознанное?

Пришлось задать несколько дополнительных вопросов:

– То есть ты всей своей сущностью – в этой баночке?

– Да. Точнее: баночка создаёт иллюзию своей достоверности, скрывая за ней мою индивидуальность.

– Ага... Но ты себя чувствуешь теперь одним физическим телом и вторым?..

– Точно! Чувствую себя сразу двумя телами. Одно осталось в бассейне, второе материализовалось здесь в виде ёмкости с кремом мамы Саши.

– Мм... И если бы она захотела взять этот крем в руки и

осмотреть его?..

Эльвер Дмитриевич ответил слишком поспешно:

– Нельзя! Э-э... и тебе не советуую. Структура конгломерата видимой тебе материи слишком нестабильна, и я ещё не до конца изучил все её возможные контакты с иной материей. В особенности с живой. Тут мне работать и работать в этом направлении. Почему, честно признаться, я и опасаюсь излишнего внимания со стороны сестры. Прячусь, отвлекаю, скрываю свою лабораторию, как только могу. Она ведь не со зла тронет что-то не так, и...

Повисла пауза, во время которой Светозаров занервничал:

– Что значит твоё «и»?

– Ты ведь сам учёный, тебе ли спрашивать? Во всём нужны взвешенная осторожность и должная осмотрительность, – стал поучать сын отца менторским тоном. – Спешка и нервозность здесь противопоказаны.

– Ай какой ты молодец! Неужели сам догадался, что надо обезопаситься со всех сторон? Или где-то вычитал?.. Наверное, и Татила с Эрлионой попросил, чтобы они тебя подстраховали? Заодно и расчёты нужные сделали? А то ведь страшно интересно знать, куда кусочки нашей Свирепой долины закинет и на какое расстояние в случае взрыва? Или ты уже сам подсчитал?

– Ой, па, ну я ведь осторожно!..

– Совершенно не доверяя при этом самым близким и наи-

более родным особям?

– Усовестил, устыдил, сейчас пойду стенать и плакать! – В голосе магического существа, помимо покаяния, слышались и нотки смеха. Потом пошли заверения уже совсем иным, деловым тоном: – Уже сейчас выхожу на связь с Эрлионой и начинаю извиняться. Да и папу Татила мы немедленно найдём. Ещё одну группу теоретиков, ведущих расчёты, возглавит Дассаш Маххужди. Так что завтра, может, и результаты более толковые будут.

– Тогда почему немедленно так не сделал?

– Ха! Как я мог заявить о том, чего не существует в природе? – искренне удивился Эль. – Спросил у Татила и у нескольких целителей Арчивьелов – они в ответ отечески меня пожурили, посоветовали не заниматься глупостями и хорошо хоть вслух дебиллом не обозвали. Вот я и решил вначале сам попробовать, тебе показать, а уж потом...

– Ладно, ты не думай, что я тебя ругаю, – заулыбался Дмитрий, осознавая до конца всю глубину продемонстрированного ему открытия. – Наоборот, горжусь и восторгаюсь. Ты и в самом деле гений! Остальные эпитеты никак не могу подобрать, меркнут перед действительностью! Ты-то хоть сам понимаешь, какую грандиозную магическую вселенную ты начал приоткрывать? Осознаёшь, к чему это может привести?

– Да так... Примерно. Вижу определённые перспективы, если всё это удастся довести до логического завершения,

привести в удобоваримое состояние и подать в соответствующей обёртке.

– Да уж! – Радость на лице Торговца несколько померкла. – Тут ты прав, делая ударение на словах «если удасться»... – Он посидел, двигая подбородком в разные стороны, словно с восторгом продолжая мысленно рассматривать те самые, только что упомянутые перспективы. – Но зато как здорово будет, если у тебя всё получится! Это же... это же настоящая революция произойдёт даже в нашей цивилизации Торговцев! Ведь каждый разумный индивидуум подвержен определённому магическому превращению, а значит, в теории – тоже может одновременно находиться сразу в нескольких местах... Да хотя бы в двух!.. Потрясающе!..

Сонливость резко сменилась энтузиазмом и желанием идти в бой, звать за собой на баррикады, созывать соратников на новые научные подвиги. Поэтому Дмитрий Петрович Светозаров, граф Дин и прочая, прочая, в ближайшие два часа так и не уснул.

Глава 4. Причина для убийства

– Хм! Ты решила поговорить со мной наедине? – удивился Пётр. И даже перешёл на игривый тон: – Хочешь поделиться какими-то особенными тайнами? Интимными или государственными? Или они у тебя все взаимосвязаны?

– Поговори, поговори! – перешла опять на шипение кобра. – Вот сейчас ногу-то тебе прострелю, что тогда запоёшь?

– Разве можно так обращаться с уникальным имуществом империи?

– Мне всё можно... Тем более что спермоносцем ты от такого ранения быть не перестанешь. Но сейчас не об этом... Генералов я удалила, но они и так в курсе. А вот девочкам слишком много знать не положено, иначе долго не проживут. Поэтому возвращаюсь к самому главному вопросу: нам известно, почему тебя хотят убить.

Светозаров не стал скрывать своего крайнего раздражения:

– Да мне уже сотни раз сегодня заявили, что знают, но ни разу не озвучили дельных доказательств этому. Уж на что ты любишь долго ходить вокруг да около, но тут явно превзошла все свои личные рекорды. Это уже не интрига получается, а откровенное издевательство. Я ведь не могу развернуться и уйти, а ты этим бессовестно пользуешься.

– Хорошо, я скажу... – Очередная, артистично выдер-

жанная пауза и последовавшее, словно гром с ясного неба, утверждение: – Мы знаем, что ты с Земли!

Несколько ценных, утекающих стремительно секунд Пётр всё-таки потерял.

– Мм?.. Откуда, откуда? – И вряд ли охватившую его растерянность удалось скрыть от такого знатока человеческих душ, как Аскеза Мураши. Тем более что она его знала не просто как личный и старый друг, они ко всему несколько лет состояли в интимных отношениях. И сейчас она зло-радно и предвкушающе улыбалась, всем своим видом утверждая: «Попался! Теперь уже не выкрутишься!» Хотя куда, казалось бы, узнику и так деваться?

О месте своего рождения и проведения большей части жизни Пётр Васильевич Светозаров почти никому не рассказывал. За всю историю своего пребывания в мире Долроджи его истинную биографию услышали только два человека: старший сын Борис и его мать Гаранделла, погибшая чуть более года назад. Сын не рассказал бы такое и под пытками, тем более что тоже имел у себя в сознании сразу три гипноблока, отсекающие как чужое внушение, так и отсекающие любые болезненные ощущения собственного тела. Аналогичную блокаду своего сознания установил у себя уже давно и сам землянин. Да и откровенный разговор с Борисом состоялся совсем недавно, всего за месяц до коварного пленения.

Ну а Гаранделла погибла. Проговориться она не могла по

умолчанию. Оставлять письменные отчёты о секретах своего любимого или какие-либо дневники она тоже не стала бы. Её уму, предвидению и сообразительности не только Аскеза завидовала, о ней знали и восторгались на добром десятке планет, а некоторые правители рьяно добивались её руки и сердца. Так что подобных ошибок любимая женщина никогда не допускала.

Кто же тогда? Или как?

Задавая себе мысленно эти вопросы, землянин произвольно покосился на превратившегося в статую инвалида. Уж не он ли замешан в раскрытии тайны? Иначе какого дьявола этот слизняк здесь вообще находится?

Интерес не прошёл мимо внимания главы особого департамента. Она вполне радостно хихикнула и поощрила:

– И тут угадал! Остаётся только выяснить детали, не правда ли? Только вот беда! Ты ведь сам запретил разговаривать своему лучшему товарищу в твоём присутствии. Как же быть? Неужели так и не узнаешь, откуда нам стало известно о твоём иномирском происхождении? Неужели не разрешишь несчастному, покалеченному твоими же сторонниками человеку сказать хоть слово?

Светозарову было плевать, кто и кого да по какой причине покалечил. Будь у него в руках пистолет, недрогнувшей рукой уничтожил бы на месте сидящего в инвалидной коляске человека. Потом ещё и контрольный выстрел сделал бы в затылок. Но в самом деле интриговал момент собственной

неосторожности, просчёта или излишнего доверия. В будущем такие знания вряд ли пригодятся, но для себя лично, для душевного спокойствия – знать следовало.

Да и побороться следовало, сразу сдаваться нельзя.

– Земля?.. Земля?.. – забормотал Пётр, словно пытаюсь припомнить. – Несколько сказок на эту тему я слышал. Но неужели подобные побасёнки вдруг стали интересовать главу особого департамента?

– Петь, может, хватит вести себя, словно обиженный на весь свет ребёнок? – уже в который раз за сегодня укорила Аскеза тоном любящей, всё прощающей подруги. – Разреши своему другу... ладно, ладно! Пусть бывшему другу!.. Огласить имеющиеся у него воспоминания.

Узник демонстративно покривился в сомнениях, зато отыскал достойный выход из положения:

– Давай так, мой запрет остаётся в силе, как и его обещание молчать при мне. Просто ты ему прикажешь рассказать, и он якобы тебе расскажет. А я сделаю вид, что ничего не слышал.

– Ох! Как ты любишь всё усложнять! – закатила глазки мадам Мураши, но тут же жёстко скомандовала в сторону инвалида: – Горский! Доложите, как было дело и где!

Ну, тот и приступил к повествованию. Описал предгорья Кипарских гор, где повстанцы имели сложнейшую, в виде лабиринта базу в глубоких недрах скальных массивов. И где землянин как раз в то время окунулся в омут его первой в

данном мире любви. Он с Гаранделлой частенько выбирались наружу, где, взявшись за руки, гуляли по узким тропинкам или, обнявшись, сидели в укромных уголках дикой природы. Любовались на луны, близко расположенные звезды трёх иных систем и много, много говорили. Именно тогда, в порыве горячей любви, Пётр и признался своей ненаглядной девушке, кто он и откуда. Вроде всегда перестраховывался, всегда осматривался по сторонам, всегда говорил только на ушко и всё-таки не все осторожности соблюл.

Тогда ещё молодой офицер, Дар Горский, находился во внешнем, скрытом карауле и стал случайным свидетелем одного короткого разговора. Плотнo прижавшаяся к своему мужчине Гаранделла, поглядывая на ночное небо, с трепетом переспросила:

– И на твоей Земле только одна Луна? А кто на ней проживает? – Ответа дозорный не услышал, зато потом послышалось женское восклицание: – Как никто?! – И вновь неразличимое из-за расстояния мужское бормотание.

Чуть позже удалось расслышать ещё несколько фраз:

– Неужели на вашем небе видны миллионы звёзд?

– Миллиарды! – в пылу воспоминания воскликнул землянин. А потом ещё довольно долго перечислял названия галактик, некоторых звёзд и объяснял конфигурацию созвездий на ночном небе.

Вот с тех самых пор Горский и носил в себе чужую тайну, никому о ней не рассказывая и будучи намерен унести её с

собой в могилу.

Только обстоятельства в последние дни резко изменились. Открытие астрономов привело к моментальному прекращению войн, эйфория от этого вскружила голову всем без исключения, и сведения об иномирском происхождении знаменитого повстанца, носящего позывной «Пришелец», стало достоянием гласности для особого департамента. Естественно, в истории имелись точные сведения, как, когда, кто и по какой причине присвоил Светозарову такой оригинальный позывной, но в свете нынешних знаний это лишь усиливало эффект разоблачения.

Чем и воспользовалась при подведении итогов госпожа Мураши:

– Так что, господин Пришелец, теперь-то всё ясно с попыткой твоего уничтожения?

Вот как раз с этим никакой ясности не было. Проживая на Земле, Пётр Васильевич ни разу не слышал о таких людях, которые могут перемещаться в пространстве. Потому что чтение фантастики нельзя было считать конкретными знаниями и уж тем более достоверной информацией. Мало ли что выдумал Эдмонд Гамильтон или Филип Фармер, забрасывавшие своих героев в непомерные дали космических пространств или в хитро созданные вселенные. И то в подобных романах перемещение предваряли некие голоса с обитателями иных галактик, определённые подготовительные действия, создание устройств, а то и соприкосновение звёздных

систем в каком-нибудь виртуальном подпространстве.

Ничего подобного со Светозаровым не произошло. Просто гулял со своей супругой и дочуркой по дождливому польскому парку, рассказывая очередную весёлую историю из своих армейских будней. И неожиданно узрел перед собой странный полумесяц мерцающего света. Показалось, что это фонари дали такой неверный отблеск в сыром воздухе. Ну и насмешило, что жена с дочерью странной загогулины в воздушном пространстве не видят. Уж как он им ни показывал контуры, как ни обводил их руками, как ни топтался внутри...

Это уже потом, изучив многие нюансы перемещения «проходчиков», Пётр понял, что именно случилось и чем он рисковал по собственному незнанию. Случился самопроизвольный, неконтролируемый переход, который обычно заканчивался физической смертью телепортёра. А тогда его грубо вырвало из мира Земли и унесло в такие неведомые дали, что новая жизнь сразу показалась повторным рождением. Уж как он тут легализировался – другой вопрос, но в данный момент вспоминалось только самое основополагающее:

«На моей родной планете телепортёров нет! И уж тем более посылать оттуда убийцу – нет никакого смысла. Как в принципе и спасителю там взяться неоткуда. Но тут появляется иной вариант... Вдруг меня с Земли некто (пусть и набившие оскомину марсианки) пытались вытянуть и за-

бросить сюда специально? Так сказать, для эксперимента. Подобное, при всей абсурдности исполнения – вполне возможно. Пусть и чисто гипотетически. Если наблюдатели за этой микрогалактикой, отрезанной от остальных вселенных невероятными космическими пространствами, действительно существуют, то здесь им и в самом деле полное раздолье для любых, в том числе и негуманных, экспериментов. И вот прошло чуть больше двадцати лет, и здешняя самоизоляция благодаря открытию астрономов неожиданно заканчивается. Каковы действия кукловодов, ведущих за мной тщательное наблюдение? Хм!.. А ведь варианта в отношении подопытного кролика и в самом деле только два: убить, чтобы научную статистику не портил, или попросту забросить в иное место. Лишь бы подальше отсюда...»

Воспоминания и рассуждения промелькнули в голове довольно быстро, так что молчание не затянулось:

– Пока спорить не собираюсь, только спрошу: какова общая масса кусков тел и скафандров, которые уволок за собой сегодняшний визитёр?

– Твои мысли адекватны моим! – обрадовалась Аскеза. – Вначале этот тип решил глянуть на тебя и, скорей всего, забрать с собой. Затем изменил решение, потянувшись к оружию. И только самоотверженные действия офицеров не дали ему совершить задуманное. Но во второй раз он попытается тебя уничтожить незамедлительно, без всякой раскачки или предварительного осмотра.

– Ты так и не ответила на мой вопрос...

– Какой дотошный! Ладно... без малого сто сорок килограмм, почти два твоих нынешних веса.

– А от него хоть что-нибудь осталось? – без внешнего интереса допытывался Светозаров. И хорошо заметил, с какой неохотой, но всё-таки ответила мадам Мураши:

– Очень загадочно, конечно, но от него ничего не осталось.

– Совсем?! Я же видел, как у него вырвали единицу оружия.

– Ну да, вырвал... один офицер... Даже успел откатиться в сторону, как и полагалось инструкцией... За что и остался без обеих кистей... Еле спасли.

Если глава особого департамента не соврала с каким-то особым умыслом, данная деталь происшествия совершенно видоизменяла картину события. Затягивание в телепорт отождествлённых с проходчиком предметов (как в данном случае оружия) сразу возводило визитёра на недостижимую ступень технического развития. О подобных ступенях пока рассуждали теоретически только физики и математики мира Долроджи. Технически к этому моменту пока что лишь начали подступаться. Тогда как гость из иного мира всё своё унёс с собой. И не факт, что, даже умерев здесь рядом, он так бы и остался на месте своей смерти.

Тотчас получало объяснение и наличие сверхпрочного, чудесного скафандра. Сотворить подобный на Земле не смо-

гут и через тысячу лет наиболее благоприятного развития. Даже до нынешнего уровня здешней мини-галактики землянам следовало лет пятьсот умственно перенапрягаться.

Следовательно, малюсенькая надежда «А вдруг?..» умерла окончательно. С родной планеты спасатели не придут. Ну а с чужих миров тем более никто узника спасти не поспешит. Скорей лишь с целью «зачистки» наведаются. Так что, как ни абсурдна, как ни противна была изначально мысль о явившемся убийце, она имела полное право на существование.

Да и тут следовало уточнить:

– Аскеза, а ты не боишься, что подлечившийся гость сейчас нагрянет во второй раз? И не оставит от нас всех даже мокрого места?

– О! Да ты стал сомневаться в собственной логике? – не упустила случая плеснуть ядом Мураши. – Стареешь? Или медовуха ударила в голову?

В самом деле лишний вопрос. Тем более к такому подлому, не дружески расположенному собеседнику. Выводы делались просто: если озлобленный гость не вернулся вторично сразу и не сбросил сюда бомбу в сто сорок килограммов, то лишь по трём причинам. Либо его всё-таки убили, либо он попросту испугался и больше сюда никогда не сунется, либо признал полное право местных людей самостоятельно выбирать направление развития собственной цивилизации. Имелись ещё и множественные подварианты, но в громогласном

обсуждении они не нуждались.

Так что оставалось ответить чем-то ядовитым в ответ:

– Извини, задумался... Что-то Гифрские водопады вспомнились на второй луне Саюнты...

Удар получился более чем «ниже пояса». Именно там впервые между ними состоялась близость. Именно там несколькими месяцами спустя Аскеза потеряла их совместного ребёнка. После этой трагедии, несмотря на интенсивное лечение, женщина так и не смогла больше забеременеть, а разочаровавшийся в ней Светозаров вернулся к своей возделенной Гаранделле.

Но то было давно, пятнадцать лет назад. А сейчас...

Кажется, Мураши перестала дышать от нахлынувших на неё эмоций. Побледнела как мел, а потом встала и, пошатываясь, удалилась. Отталкивая при этом руку пристроившегося рядом с ней особиста.

В огромном помещении-камере остались только двое людей, словно не замечающих друг друга. Но первым, оглянувшись воровато на выход, заговорил Дар Горский. Видимо, понимал, что о нём сейчас вспомнят или услышат и моментально вытурят вон:

– Она тебя точно когда-нибудь пристрелит. И будет по-своему права...

– Вот именно что «по-своему»! – резко вскипел Пётр Васильевич, впрочем, так и не поворачиваясь к собеседнику. – А пусть бы попробовала это сделать по справедливости! По

правилам нашей священной войны!

– Какие правила? О какой святости ты заикаешься? – инвалид в порыве эмоций катнул коляску ближе к синей черте на полу. – Ты бросил Аскезу в горе и смертельной печали, а сам умчался к этой вертихвостке Гаранделле, которая изменяла тебе направо и налево...

– Заткни свою поганую пасть! – Теперь уже узник развернулся всем корпусом в сторону инвалидной коляски и, потрясая цепями, возжелал разорвать говорившего собственными руками. – Не смей даже касаться её светлого имени!

– Что, правда глаза колет? И одну предательницу ты возносишь до небес, а вторую, ничем не провинившуюся перед тобой женщину втоптываешь в грязь?

– Она сама влипла в грязь, когда предала всех нас! Когда изменила нашим идеалам! И теперь даже кровь не смоет с неё проклятий наших павших товарищей!

– Ну да, а твоя Гаранделла, переспавшая не единожды с вражескими генералами, осталась неприкосновенной святошей? – язвил Дар.

– Замолчи! Это было продиктовано смертельными обстоятельствами! – Пётр уже довёл себя до бешенства и буквально дрожал от переполнявших его эмоций. – И все эти слухи и рассказы – мерзкая ложь! Банальные выдумки завистников, которым моя жена отказала!

– Ого! Вон как она тебе мозги прочистила! – скривился в оскале Горский. – Говоришь, словно листовки читаешь. А

ведь у тебя в голове несколько гипноблоков стоит уже давно, что же ты правду ото лжи не отличаешь? И ладно бы я тоже лишь на слухи ссылался. Мне же по должности всё знать полагалось. Я и знал: с кем, когда и как наша святоша шашни крутит. А когда тебя рядом с ней не было, она вообще в такие тяжкие пускалась, что диву даюсь, почему ты со своей ревностью при первом же случае эту сучку не пристрелил.

Узник неожиданно успокоился, отступил к самой стене и стал вслух рассуждать с самим собой:

– Чего это я?.. Этот же подлый слизняк меня провоцирует! Заставляет высказаться, проболтаться в порыве гнева... Ну всё, больше он от меня ничего не дожждётся! Пусть даже Гаранделла мне изменяла, это никого не касается. И никто об этом не узнает. А слухам и сплетням всё равно никто не верит!..

Дослушав его бормотание, Дар вновь катнул непроизвольно коляску в сторону узника:

– Наивный и простой Пришелец! Ты так и не сумел понять наших женщин. Наиболее любвеобильных из них хотят все. Но если добиваются их – понимают, что ласки достанутся не только ему. И смиряются с этим сразу. Ты же умудрился все свои отношения ставить с ног на голову. И до сих пор считаешь женщину, родившую Бориса, самой честной и самой верной...

– И буду считать! И весь мир так считает!

– Ты так уверен? Тогда вынужден буду тебе открыть одну

страшную тайну. – Горский даже вперёд наклонился, желая рассмотреть глаза своего бывшего друга и соратника. – Твоя святоша не просто изменяла, она ещё и активно собирала видеозаписи своих совокуплений. И все эти записи сейчас находятся в особом департаменте. Сам император о них в курсе, просмотрел некоторые и настоятельно потребовал запустить их все в сеть Интернета на порносайты. Да, да! Зря ты так на меня смотришь, я ни словечка не выдумываю и не приукрашиваю. И ты знаешь, кто воспротивился этому? А потом и убрал записи в архивы? Никогда не догадаешься: Аскеза Мураши! Она доказала императору, что негоже выставлять в таком свете её бывшую подругу, с которой она была очень близка. Иначе тень народного недовольства падёт и на неё.

Светозаров смотрел на говорящего и мечтал только об одном: как сподручнее и болезненней того убить. Расстояние, уже не раз выверенное отчаянием и злобой, превышало желаемое как минимум на полметра, а значит, следовало как-то завлечь лгуна, заговорить, чтобы он продвинулся на этих вожделенных пятьдесят сантиметров. Ещё лучше – на семьдесят!

В услышанное он не вникал, как и не старался понять, сколько там лжи. Только старался сыграть искреннее недоумение, недоверие и максимальное внимание:

– А ты?.. Ты сам видел эти записи?

– Имел возможность, но не стал. Противно! – скривился

Дар. – Да и тебя жалко...

– А-а... если я попрошу, мне покажут?

– Скорей всего. Тем более что ты умудрился невероятно обидеть и унижить своим напоминанием Аскезу. И она с готовностью откликнется на твою просьбу крайнего самоунижения.

– Откликнется? – Пётр сделал полшага назад, переходя вновь на еле слышное бормотание: – Но тогда получится, что... всё напрасно... и эти сокровища в роще лаом... к чему? Лучше забыть... вообще не вспоминать... как и дорогу к нижнему лабиринту Шестого Улья...

О-о! Человек с позывным «Пришелец» знал очень много слов, на которые его бывший товарищ сразу потянется всем телом. О сокровищах в одной из рощ народности лаом слышали и мечтали очень многие, но вот о точном местонахождении не знал никто. Имелись догадки, что знает Светозаров и знала его любимая Гаранделла. Вот только одна умерла, а второй ничего не выдал и под пытками. Как и не раскрыл дорогу к легендарному Шестому Улью планеты Ишмат. А ведь там, по легендам, находились лабиринты с пещерами-захоронениями древней проишматской цивилизации.

Вот заинтригованный Горский и подался непроизвольно вперёд:

– Что ты там бормочешь? – досадовал он. И потребовал: – Говори громче!

– Да вот, обещал Гаранделле никому не рассказывать о

сокровищах... Но если она так себя вела... Какой смысл мне хранить достояние всего мира от самого мира?..

Словно в жутком сомнении Пётр стал разводить руками и покачиваться всем корпусом. Дождался короткого, вопро- сительного «И?», после чего со вздохом выдал:

– Да там всё просто... – Но вместо выдачи координат рванулся вперёд и нанёс тщательно выверенный, можно сказать, убийственный удар. Вот только ещё во время прыжка понял, что приговорённый к смерти предатель пытается выскользнуть из опасной зоны, налегая руками на колёса инвалидной коляски. Удар в голову уже никак не достигал цели, как и в корпус, поэтому пришлось резко менять угол атаки, стараясь сломать врагу если не колено, то хотя бы голень. И это – удалось!

Ускорившаяся коляска чуть не перевернулась, отскакивая далеко назад, и в момент удара раздался отчётливый хруст. После чего нога предателя Горского вывернулась под неестественным углом. Перелом в таком случае да ещё и открытый – гарантирован.

Но и сам Светозаров натянувшимися цепями получил такой удар, что не выкрикнул, падая на пол, а скорее просто- нал:

– Получи, тварь!..

Глава 5. Двуализация

Когда Александра, графиня Шахматная Свирепая-Светозарова, вернулась в замок, Эрлиона ещё издали, с самого зала прибытия, начала с ней сплетничать, предупреждая:

– Папа Дима только-только уснул! Ты уж постарайся его пока не будить, пусть выспится. Двое с половиной суток не спал.

– Как это? Я на четыре часа позже прибыла, чтобы дать ему отоспаться и встретить меня как полагается! – возмутилась молодая жена. – А он чем тут в моё отсутствие занимался? Или его уже на тебя оставить нельзя?

Она помахала на прощание рукой баюнгу Шу'эс Лаву, молодому Хотрису и Елене, сестре Дмитрия, с которыми навевывалась в Лудеранский лес, и решительно устремилась в личные покои. Поэтому магической сущности пришлось поторопиться с объяснениями:

– Да ты понимаешь, тут у нас Эльвер-Аусбурн Дмитриевич новое гениальное открытие сделал, вот папа немножко, часа на два, и забегал по студиям и лабораториям, меняя направления работ, создавая новые группы и чуть не доводя папу Титела до бешенства. Наверное, поэтому Верховный целитель использовал свои умения заговорить кого угодно, а потом постарался коварно усыпить твоего супруга. Иначе тот до сих пор глаз бы не сомкнул.

Во время этого монолога графиня почти добралась до апартаментов. Но причина была признана ею уважительной, и она подавила в себе недовольство на мужа. Не в загул ведь отправился со своим дружкой, королём Бонзаем из Ягонов. Делом занимался, наукой. Так что пусть и в самом деле отдохнёт. А то вместо свадебного путешествия, в которое они всё никак не отправятся, только и мечется между мирами, спасая, устраняя, подсказывая, помогая, советуя, регулируя отношения и так далее, и тому подобное. Да плюс ко всему изучение Опорной Станции занимало у Светозарова львиную долю рабочего времени.

Можно было бы других Торговцев запрячь, но тех (нормальных и надёжных) – раз-два и обчёлся. А сотни, тысячи остальных, недавно вошедших опять в общий реестр, пока не допускались к свободным перемещениям по причине опасений за целостность мира. Так что ни на кого свои дела особо не свалишь. Да и у главного союзника, Крафы, верховного правителя сорока шести миров, своих дел по горло. В какой-то критической ситуации он всё бросит и примчится, но в остальном просил его месяц-два не беспокоить. Даже не просил, а требовал, несмотря на то что считался роднёй и просто обязан был помогать младшему партнёру.

Вспомнив о степени родства, Александра даже приостановилась, уже в который раз обсуждая со своей подругой и дочерью этот момент:

– Но ты хоть разобралась, кем я прихожусь тому же Кра-

фе?

– Да что тут спорить. Если сын Крафы приходится отчимом твоему мужу, то ты для Гегемона – сноха его невестки. Или, говоря проще, жена его внучатого пасынка.

– Ага... И при этом дружу с его дочерьми, которые младше меня... Зашибись! – На ходу определяя, куда идти дальше, графиня спросила: – Что там делает Дива?

– Собралась прогуляться со своим продолжателем рода пегасов.

– Ой! Попроси её меня дождаться! – сразу ускорила Свирепая-Светозарова, меняя направление движения. – Я тоже с ними хочу полетать. – Но по пути к постройкам наружного контура замка продолжила разговор с магической сущностью: – И что такого Эль выдумал? Какая с этого может быть конкретная польза?

Та не замедлила с ответом:

– Если несколько утрировать и обобщать возможную пользу, то при положительных результатах можно будет каждому разумному существу посылать толику своей магической энергии куда угодно. То есть, к примеру, путешествовать зрением, слухом, а то и обонянием по иным землям-континентам, а то и мирам.

– Ой как здорово! Так я смогу и за Димой в любой момент присмотреть?

– Ну-у-у... не так чтобы в любой... Всё-таки энергии на это действие уходит невероятное количество. Пока подоб-

ным, да и то лишь в пределах замка, может оперировать только мой брат. А Тител Брайс так сразу заявил, что в лучшем случае никто, кроме меня, подобное повторить не сможет, даже папа Дима не потянет. Попросту не сможет манипулировать таким потоком силы.

– Жаль, – расстроилась Александра. – Но я всё равно хотела бы поучаствовать в экспериментах, можно?

– Конечно! Только рады будем твоей компании, – заверила Эрлиона.

– Тогда я после прогулки с пегасами неотложно к вам заскочу.

И своё намерение графиня выполнила, явившись в экспериментальные помещения примерно через час. Кушать она не хотела, наелась у баронов в гостях на сутки вперёд, а супруга будить посчитала преждевременным. И хоть иные полезные дела в таком огромном здании всегда отыщутся, решила посвятить себя магической науке. Поэтому с ходу потребовала и её научить чему-то полезному в совместном действии или поставить на одном из самых важных направлений ведущихся опытов.

Да вот только все целители, работающие вместе со своим Верховным, оказались заняты в постоянной концентрации, во время которой пытались всего-навсего «мысленно заглянуть» за непрозрачную перегородку. Процесс шёл под неустанный внушение-поучение сразу обеих магических сущностей, которые настаивали именно на данном первом

шаге. По их твёрдому убеждению, именно зрительное перемещение толики личной магии является первым шагом на пути к двуализации. Именно так открыватель этого способа перемещения назвал новое умение перемещать частичку самого себя в иные пространства. Им-то было легче, они обладали таким навыком с рождения, «заглядывая» куда угодно и за какие угодно стенки. Вот и пытались теперь объяснить людям, как это у них получается.

Прибывшую помощницу-добровольца Эрлиона усадила на свободное место и стала грузить нужными образами, пояснять умения концентрации и подсказывать необходимые действия магического плана. Благо что графиня уже считалась перспективным Торговцем, которой до первого самостоятельного перехода через подпространство между мирами оставалось всего один, максимум два шажка. То есть она видела гораздо больше остальных, находящихся здесь Арчивьелов да Маурьи и могла на практике гораздо быстрее «заглянуть» за непрозрачную перегородку. Или, иначе говоря, войти в рабочий ритм двуализации.

Да и обнаруживший её Тител Брайс после короткого приветствия заметил обеим магическим сущностям:

– Конечно, для таких опытов не помешало бы и всех остальных Торговцев собрать. Того же Хотриса с Шу'эс Лавом и сестру Дмитрия, Елену, задействовать. Но раз пока здесь только Саша, напоминаю о её исключительной особенностях по многим критериям. Первое: не забывайте, что она

беременна. Второе: что она однажды оказалась за гранью смерти и была возвращена к жизни только благодаря магическим чудесам. Фактически ради её спасения погибла первая магическая сущность, которая к тому моменту зарождалась в бассейне с суспензией. Из этого вытекает третье: наша графиня – не простой человек, если не заявить иначе, частично не человек. Об этом сразу и чётко заявил Водоформ Подрикарчер. Жаль, что не конкретизировал те особые отличия, которые он своей титанической силой заметил походя. Ну и четвёртое, это вывод дракона Осстияла. Старая рептилия, хоть и спешила убраться в свой мир, успела осмотреть женщину и поразиться странной привязке между её аурой и целительскими каштанами мира Янтарный. Пятое, шестое и седьмое – она имеет чувство предвидения опасности, умеет лечить и отличает правду ото лжи. Вот это всё вместе и постарайтесь использовать.

Мудрые советы старого ректора помогли однозначно. Потому что Александру усадили в другое место и решили обучать совсем по иным методам. В частности, постарались на столе, за невидимой перегородкой положить несколько «молодильных» каштанов и всё внимание своё и лаборантки сосредоточили на обнаружении, увеличении, ощущении, а потом и концентрации-усилении имеющейся связи. Ну и никто не предупредил госпожу Свирепую-Светозарову, что всё будет очень сложно, долго и выматывающе не только в моральном, но и физическом плане.

Через четыре часа все заработались настолько, что потеряли чувство времени. Зато был получен совершенно неожиданный, но втройне ощутимый по причине скорого появления результат. После особой, десятисекундной концентрации Александра стала угадывать количество невидимых ею каштанов, и даже «видеть» геометрический рисунок их расположения. Тогда уже и сам Тител присоединился к группе, буквально выедавая вопросами всю последовательность действия женщины. Настолько ему возжелалось понять итоги и следствия да подвести под них теоретическую базу.

А ещё через час проснулся отменно отдохнувший Дмитрий Светозаров. Державшая спальню под своим контролем Эрлиона, начав заговаривать графу зубы, тут же напомнила всем остальным и своей маме-подруге в первую очередь:

– Всё, пора закругляться с работой! Шура! Беременным нельзя так долго перенапрягаться, да и супруг твой уже в недоумении, почему ты не возле него.

– Зачем ты его тогда разбудила? – в горячке рабочего энтузиазма досадовала та.

– Он сам вскочил, потому что выспался. Сейчас плещется в бассейне, требует от меня отчёта.

– Тогда начинай с общих успехов, не называя меня конкретно. Тем временем я и добегу до нашей спальни и сама похвастаюсь внесённой в общее дело лептой.

Саша умчалась, а оставшийся ректор, он же Верховный целитель империи Рилли, выглядел недовольным:

– Знать бы ещё, чему радоваться! Всё на неверных эмоциях основано да на не менее эфемерных домыслах.

Зато Эльвер-Аусбурн Дмитриевич не скрывал радостного оптимизма:

– Как по мне, то всё отлично. Не ожидал я такого прорыва от людей, по крайней мере так быстро. Конечно, мы и с остальными Торговцами и кандидатами на это звание будем пробовать, но в случае с мамой Сашей нам невероятно повезло. Мутации разного плана, в том числе и посмертные – создали в её теле, в ауре и в магической составляющей такие сложные сплетения и структуры, что теоретически разобраться в них и Водоформу не удастся. Зато на практике чудеса получаются. И когда мы с ними определимся...

– Не сравнивай себя с Водоформом, – резонно заметила ему сестра. – Пусть даже он умственно не полноценный. Такие, как он, меняют орбиты планет, создают новые звёздные системы, и для него двуализация – это что-то типа самой никчемной забавы.

Тител Брайс не согласился с таким утверждением:

– Если судить по докладу Дмитрия, то Подрикарчер не умел мгновенно перемещать кусочек своей многотонной плоти куда угодно в пределах даже одного горного массива. Мог только через глаза лягушек наблюдать за пленниками. Иначе он сразу бы отыскал людей и пустил бы их на корм своим улиткам. Разве что тогда он вообще себя не осознавал как разумного творца. Ну и в любом случае общение с ним

сейчас – это уникальная возможность узнать многие и многие тайны вселенной.

– Мечтаешь с ним поговорить или пошлешь к нему папу Диму вместе с мамой Сашей?

– М-да!.. Не получится... Я уже и не мечтаю о контакте с Водоформом, пусть хотя бы дракон Осстиял вернётся. После подсказок этой престарелой рептилии многие наши заглохшие научные разработки получают новый импульс. Но как бы там ни было, сегодня мы достигли вместе с Александрой удивительного результата. Теперь бы только закрепить успех да понять подоплёку магической связи между графинею и молодильными каштанами. Ведь она их даже не ест, а связь существует. Почему, спрашивается, у меня такой связи нет?

И Тител Брайс произвольно погладил короткий ёжик волос на своей некогда лысой макушке. Причём в последние дни не только эти признаки омоложения Верховного целителя были поводом для шуток учеников Академии. Несмотря на свои восемьдесят четыре года, обильно подьедающий каштаны ректор и по всем остальным параметрам помолодел, выглядя теперь лет на пятьдесят пять, максимум на шестьдесят. Наверное, именно поэтому главная шутка парней в адрес девочек звучала так: «Ты чего задумалась? Думаешь, как выйти замуж за Титела, когда он станет выглядеть двадцатилетним?» На что самые смелые отвечали просто: «Чего ждать? Я хоть завтра готова!» Ну а наиболее озорные добавляли: «Тем более что граф Дин меня не дождался,

потому и приходится срочно последнего холостяка окручивать. Ведь не с вами же, малолетками, семью заводить!»

Но эти краткие воспоминания недолго отвлекали учёного. Несмотря на уход графини, эксперименты продолжались всё в том же интенсивном темпе.

Глава 6. Смена режима содержания

Натянувшиеся кандалы и в самом деле чуть ноги и руки не поломали. Старые раны и стертости тут же вскрылись, полилась кровь. Да и дежурный оператор сработал, заставив цепи втянуться в стены, а узника повиснуть, словно распятый мотылёк. От собственной, навалившейся на сознание боли изначально Пётр ничего не мог рассмотреть, а потому всё удивлялся, что не слышит криков со стороны наказанного предателя. Хотя стоило отдать тому должное: выть он бы не стал, даже умирая. Хороший был когда-то вояка!

Но когда возможность видеть вернулась к Светозарову, он сам чуть не завыл от досады. Горский восседал в своей коляске без одной ноги, а в руках держал и с насмешкой рассматривал... обычный, пусть и разломанный надвое, протез!

Ещё и заметив внимание к своей персоне, не удержался от едкого сарказма:

– Ну ты силён с инвалидами махаться! Надо будет тебя в богадельню для ветеранов отправить. Вот уж где разухаришься, вот уж где душу отведёшь, добивая несчастных инвалидов.

В здешнем мире, несмотря на весьма развитую медицину, конечности выращивать так и не научились. И много воввавший Пришелец прекрасно знал на примерах друзей, что такое лишиться хотя бы одной конечности. При имеющем-

ся лазерном оружии, отрезающем плоть напрочь, таких трагедий случалось невероятно много. А по задравшейся вверх второй брючине было хорошо видно отсутствие у Дара сразу двух ног. Частенько пострадавшие до такой степени инвалиды не соглашались жить дальше и уходили.

Горский не ушёл. И в этом проявил присущие ему волю и силу духа. И если бы не стал предателем, был бы достоин всяческого уважения. А так...

– Не пытайся втиснуться в льготную категорию инвалидов! Не спрячешься! – уже поверх нескольких голов, вновь вернувшихся эскулапов, прокричал землянин. – И среди них предателей уничтожают, давят как ядовитых клещей!

После чего постарался выкинуть мысли о слизняке из головы и присмотреться, чего это с ним такое делают. Оно того стоило. Явилось, кроме врачей, ещё и несколько техников, возглавляемых знакомыми инженерами. Цепи вновь послабили, давая возможность встать нормально на ноги. Омыли торс, и на него надели весьма мудрёный пояс из толстого пластика. Шириной сантиметров пятнадцать, он словно живой ужался на теле, не стесняя при этом в движениях и не мешая дышать. От него со спины отходил упругий жгут канала управления, конец которого упрятали в стене.

Затем уже с помощью странного пояса узника вновь притянули плотно к стене и стали снимать все прежние путы. А там уж ран хватало! Самому неприятно было смотреть.

Их все обрабатывали растворами, покрывали заживляю-

щами мазями, а где надо, накладывали плотные пластыри.

«Ага, приводят в божеский вид, получается. По какой причине? Хотят кому-то продемонстрировать? Сжалились и пытаются уменьшить мои мучения? Или таким образом с меня наемные девчухи накачают большее количество донорского семени? Хм! Неужели они не понимают, что я могу этих «лаборанток» попросту убить на месте ударом колена или тычком пальцев? И плевать мне будет на их возможную невиновность. Раз сотрудничают с режимом, значит, уже виновны. Надо будет немедля заявить о своих намерениях. Может, сразу желающих не отыщется, а сверну нескольким проституткам головы, и остальные откажутся заниматься «доемием». Да и вообще, как они свою задуманную программу собираются претворять в жизнь? Неужели четверть женщин империи согласятся рожать от совершенно постороннего им человека?..»

Тогда как вокруг, невзирая на уход эскулапов, появилось ещё больше людей, в основном техников. Оставив узнику относительную свободу передвижения на одном квадратном метре, они довольно быстро и грамотно стали устанавливать «мебель», преобразовывая участок узилища до неузнаваемости. Причём всё принесённое являлось цельным, неразборным, из прочнейшего пластика и тут же намертво приваривалось к полу. Похоже, к данной перестановке готовились давно, пожалуй, целую неделю, как раз с того момента, когда астрономы рассмотрели иные вселенные. Ну а неожиданный

визит иномирского «проходчика» оказался чистым совпадением по времени. Если даже ускорил развитие событий, то не больше чем на час-два.

Установили двуспальную кровать, верхнее покрытие которой представляло собой пружинистый, чуточку шероховатый пластик. Два стола и несколько стульев за ними на внешнем радиусе. На внутреннем – просто две табуретки, намекающие, что пленника дальше не отпустит ограничительный жгут. Один стол как бы обеденный, во втором 1 встроенная внутрь панель сенсорного управления большого экрана, который подвесили к своду и могли поднимать или опускать по необходимости. Отдельно узкая кушетка, годная как для осмотра, так и для лечебных процедур. Прежнюю дырку в полу для слива нечистот и воды накрыли плитой с унитазом из толстеного пластика. Сразу возле него вывели из стены отверстия с тёплой водой. Причём с удобными сенсорами: подставил руки – вода и потекла. Так же сделали отверстие-выход к лотку с бумажными полотенцами.

Неожиданный, роскошный сервис, которого приготовившийся давно к смерти заключённый совершенно не ожидал. Тем более что теоретически у него теперь появлялась возможность к самостоятельному побегу. Призрачная, весьма и весьма неверная по причине хлипкого здоровья, но всё-таки возможность.

Но больше всего поразили Светозарова экран и консоль управления к нему. Дождавшись, когда сравнительно рядом

оказался один из инженеров, Пётр спросил:

– Неужели мне дадут допуск к всемирному Интернету?

Тот явно не хотел отвечать, но не пожелал ронять свой авторитет большого начальника перед косящимися в его сторону техниками.

– Данная консоль позволяет наладить одностороннюю связь с любым абонентом или извлечь информацию из любых общественных хранилищ.

– Ух ты! И за что мне такие привилегии?

– За согласие работать на благо императора и всей нашей империи! – пафосно изрёк инженер и с надменным видом удалился в дальний угол. Там, возле стальной машины застывшего робота, копошился его коллега. Но в его ответе легко прослушивался не только пафос, но и некоторое презрение к узнику.

«Ну да, они-то все решили, что я уже сдался и перестал бороться, – прорезалась в мыслях досада. – И видят меня почти предателем. Ха! Наивные! Дайте мне только точку опоры, а уж я постараюсь перевернуть весь ваш лживый мирок вверх тормашками! Если я больше двух месяцев только и думал, как себя уничтожить, но не находил способа, то в такой вот новой обстановке мне обязательно что-нибудь да обломится. Тем более что никто из них, даже эта ядовитая стерва, не подозревает о моих уникальных возможностях. Точнее не столько моих, как моего тела. Жаль, что настолько израненного... И зря они не осознают, что мне терять нечего,

за жизнь я совершенно не цепляюсь и цепляться не собираюсь! С радостью устрою большой «бум!»

Но одно дело так думать и самого себя убеждать, и совсем иное – лишать сознание надежды на какое-нибудь чудо. Хотя бы даже на аналогичное тому, которое перебросило его когда-то с Земли в миры Долроджи. «Случившееся однажды всегда повторяется!» – как утверждают мудрецы. Ну и скептики добавляют: «Жаль, что повторения случившегося порой приходится ждать миллионы лет».

Светозаров не принадлежал к скептикам, хоть и желал себя умертвить любым возможным способом ещё совсем недавно. Но тогда была причина: его жестоко пытали, мучили и собирались умертвить самым изуверским способом. Сейчас же он стал нужен, его начали лечить, подкармливать и даже пообещали некие, пусть и низменные, но удовольствия. А всё это для практичного и пытливого ума – лишь прекрасный повод если не вырваться отсюда, то хотя бы сосредоточить на этом все свои помыслы. Ведь любое изменение окружающей обстановки даёт дополнительную возможность, предоставляет мизерный, но всё-таки шанс вырваться на свободу. Тем более что землянин имел знания, не доступные хотя бы тем же инженерам комплекса. Да и силы его существенно отличались от сил местных «проходчиков» через подпространство.

То есть возможности имелись, следовало их рассмотреть в тумане глобальной неосознанности.

И шансов на спасение имелось несколько. Помощь соратников, уникальные способности, увы, сейчас ни на что не годного тела и боевая техника. То есть главный шанс пока просматривался землянином в самом страшном на вид устройстве. Том самом Могильщике, который робот и который пытались уже больше недели отладить для пленения любого мятежника или повстанца. А после пленения ещё и немедленно отрезать ступни врага, чтобы тот даже не пытался сбежать. Глупо и нелогично звучало подобное заявление, но манипуляторы с резаками, способными отрезать что угодно вкупе с защитным скафандром, не только неприятно напрягали, но и давали надежду.

Ибо в любое время любое оружие оружием и останется. Надо только вовремя его отобрать у противника и применить себе на пользу. Или перехватить управление оружием. В идеале Могильщик мог обрезать сдерживающие заключённого жгуты и цепи, взломать пол, стены, свод, повредив тем самым излучение аннуляторов, и тогда убраться отсюда будет проще, чем чихнуть. Вся сложность заключалась в первой части плана, в перехвате.

Казалось бы, как может прикованный к стене узник перехватить управление роботом? С помощью своей вмонтированной в стол консоли? Для этого даже гению по взлому программ и защитных паролей понадобится несколько недель, если не месяцев. Опять-таки при условии полной свободы в управлении сетями. А здесь ведь наверняка Могильщик

имеет независимые цепи управления, ещё и контролируемые оператором-наблюдателем. Так что «ухватиться» за его системы управления – немыслимая затея. Только вот и сидеть сложа руки нельзя. Как говаривал один из первых командиров офицера Петра Светозарова: «Появилась идея? Раскрывай её до победного конца!»

Тем временем переоформление узилища подошло к концу. Апофеозом пертурбаций стала установка занавесей по дальнему периметру образовавшейся полукруглой комнаты. Там в два слоя навесили от сводов до пола плотные гардины, причём весьма и весьма приличные, указующие на солидность и респектабельность в своих оттенках. Несколько подвешенных к потолку видеокамер даже маскировать не стали, но всё равно обстановка резко стала домашней, чуть ли не интимной. Особенно если сравнивать с прежним беспределом. Да и новые комплекты бумажной одежды выдали, более приятные на ощупь и радующие глаз расцветкой.

Когда узник принарядился, стали подаваемыми через динамики командами проверять регулировку жгута, контролирующего пояс на пленнике со спины. Просили усесться то на один табурет, то на другой. Затем наклониться над столом, напоследок прилечь аккуратно на кровать, что удалось сделать только боком да на самом краешке. Хорошо придумали, всё рассчитали! Стоит начать узнику буяннить, как его сдёрнут с кровати да притянут к стенке.

Ну и после калибровки новых пут на большой обеденный

стол принесли очередную порцию пищи, весьма сытной и калорийной, но в небольших количествах. Обеспокоенный голос генерала Жавена пояснил:

– Переесть тебе вредно. Да и не заработал ещё.

– А что для этого надо? Встать на табуретку и рассказать стишок про дебильного генерала?

– Зря нарываешься, – благодушно хмыкал начальник охраны объекта. – Ты ещё не опробовал ни одного болевого гостинца, которым тебя может угостить твой распрекрасный поясок. Сразу предупрежу: и не советую пробовать. Новейшая разработка, плод гениальных мыслей учёных целого поколения. Так что послушай моего совета, веди себя хорошо, не дерзи, выполняй все предписания врачей и рекомендации медсестёр... И тогда будешь получать временный доступ к всемирному терминалу новостей, кино, официальных коммюнике и даже в общее пространство почтовой переписки.

«Надо же! – мысленно поразился пришелец. – Неужели не шутят? Неужели и в самом деле допустят к переписке? Сомневаюсь, что они настолько наивны и не понимают моих возможностей на поле информационного сражения. Небось догадываются, что у меня есть масса заготовок, ничего не значащих для постороннего человека, но после появления в общем доступе сразу дающих моим соратникам массу полезных сведений. И наверняка попробуют понять эти сообщения, расшифровать их и выловить тех, кто ими заинтересуется. Только сильно сомневаюсь, что у них хоть что-нибудь

в этом плане получится. «Общее» – оно и есть общее...»

Да и не факт, что в общее пространство всё-таки допустят. Подобную роскошь ещё и заслужить надо. И как именно заслужить, сомневаться не приходилось. Калорийная пища плюс тщательное мытьё после снятия прежней набедренной повязки, об этом намекали совсем недвусмысленно. То есть следовало ждать в гости так неожиданно явившихся в данном месте медсестёр.

«Ждать – это одно, – размышлял Светозаров, стараясь растянуть предоставленный ему обед как можно дольше. – Но я ведь так и не решил, что с ними делать? Сразу убить первую пару, не давая прикоснуться к своему телу, или не доводить противление до фанатизма? Самому себе данное обещание – это одно. А вот соразмеренная необходимость текущего момента – совсем иное. Только за одну возможность передать своим соратникам некоторые важные сведения можно пойти на что угодно. Тем более на такое низменное, но не позорящее меня окончательно дело, как секс с наёмными проститутками. А убить их я всегда успею, когда в этом появится необходимость... Или когда Аскеза с подельниками не выполнит своего обещания по допуску в общее почтовое пространство Интернета».

Обед, как его узник ни растягивал, закончился, и вновь послышался голос генерала Жавена:

- Наелся? И что дальше полагается по законам жанра?
- Прогуляться по парку! – успел вставить Пётр.

– Правильно: получить удовольствие! Только не от прогулки, а от ласковых и нежных прикосновений. Э! И не крикись ты так! Мы тут честно камеры отключаем, кроме одной, и то наблюдать останется одна из наших старших офицеров. Дама уже в возрасте, так что ты сильно там её не смущай различными позами или развратными излишествами. В общем... удачи!

После чего наступила тишина. Кажется, в большом помещении узилища вообще никого не осталось. Даже в том углу, где постоянно копались техники и инженеры с Могильщиком, ни звука не раздавалось. Ещё через несколько минут явились две девушки. Да в таком провоцирующем одеянии «А-ля полуобнажённая санитарка», что проще и неэротично выглядели бы совершенно голыми. Ну и маски теперь их лица не скрывали. Это позволило сделать два вывода: они узника очень боятся и обе – никак не проститутки. Одну, Мисс Империи прошлого года, землянин сразу узнал. Да и вторая кого-то очень сильно напоминала. Непонятно было, как чиновники особого департамента уговорили красавиц на такое. Скорей всего, попросту заставили, поставив шантажом в безвыходное положение. И в данном случае они точно такие же подневольные пленницы обстоятельств, как и сам Светозаров. Поднять на таких руку, даже если от этого будет зависеть свобода, нельзя.

Пришлось принимать правила игры и со вздохом отправляться в кровать после последовавшего приказа дрожащим

ГОЛОСОМ:

– Больной, вам предписан постельный режим.

Дальше уже девочки постарались сделали всё как надо. Не хуже, чем у профессионалок получилось. Одна нависла над мужчиной, игриво касаясь его губ сосками, а вторая сделала всё остальное. Сдерживаться, а уж тем более сопротивляться такому приятному действию сил не нашлось. Хотя ещё совсем недавно (до прибытия нежданного гостя из иного мира) о сексе Светозаров не смог бы подумать и в кошмарном сне. А тут не прошло и пяти минут, как обе девушки, прихватив с собой наполненную пробирку, поспешили покинуть «больного».

А вот откат расслабления и неги сказался на ослабленном пытками и голодом организме невероятно. Минут десять после ухода «медсестёр» землянин пролежал в полной прострации, можно сказать, что в бессознательном состоянии. Но в сон провалиться почему-то не получалось. Зато удалось после еле ощущаемого телом укола. И спал очень, очень долго.

Когда проснулся, по примерным внутренним часам прошло часов восемь. Причём, что характерно, сознание вроде просветлело, а вот физические силы никак возвращаться не хотели. Наверное, ещё с полчаса просто валялся, внимательно прислушиваясь к шумам вокруг. Судя по ним, работы вокруг Могильщика велись непрерывно.

Да и после этого срока стал приходить в себя лишь после

повторного странного укола в районе селезёнки. Но на этот раз гораздо более сильного и ощутимого по воздействию. Похоже, так ему ввели через пояс многопрофильного значения некие возбуждающие, укрепляющие препараты. За три минуты жар распространился по всему телу, заставляя вставать и двигаться.

– Чем это меня укололи? – задрал голову, спросил в одну из камер.

Равнодушный женский голос стал зачитывать некую длинную химическую формулу введённого транквилизатора, но его перебили порывками генерала:

– О! Ты уже на ногах? – видимо, он и в самом деле только что вернулся в операторскую. – Молодцом! И что? Требуешь вернуть медсестёр для повторного круга?

Не реагируя на его фривольные шуточки, Пётр приблизился к рабочему столу, потыкал в тусклые огоньки неработающего терминала и возмутился:

– А где обещанная награда? Или это я зря понадеялся на чьё-то слово?

– Нет, это ты сам нарушил режим. Пропал десять часов вместо положенных шести. Присмотрись внимательно к твоему распорядку дня, который введён в прозрачную крышку обеденного стола, и сравни время, которое для тебя уже давно высвечивается в нижнем углу рабочего экрана.

Как же, давно высвечивается! Насколько помнил землянин, во время укладки на кровать ничего там не светилось.

Хотя десять часов – это тоже относительная вечность. Но к расписанию поспешил. Вчитался. Сверил. Получалось, что четыре часа назад он должен был встать, полчаса на завтрак и полчаса на личные процедуры потратить. Потом – три часа личное время, наверняка отведённое для пользования всемирными сетями Интернета. А как раз сейчас начинался «первый обед», как значилось в распорядке – час. Потом ещё час – лечебные процедуры. Затем ещё два часа сна, после которых следовал «второй обед». Ещё через три часа – ужин. Ещё через два часа, отведённых на процедуры и научные эксперименты, – вечерний чай. Затем час на личное время и шестичасовой сон. Итого – все двадцать три часа суток данной планеты.

Возмущало огромное время, выделенное на сон.

– Целых восемь часов?! – не стал молчать узник. – Да мне пяти всегда хватало, а то четырёх.

– Спорить бесполезно. Всё по минутам согласовано с наилучшими учёными империи. Да ты и сам обязан понимать, что будущая четверть потомства нашего государства должна иметь здоровую генетическую наследственность.

С минуту землянин кривился да поглядывал на вестового, который с подноса расставлял на обеденный стол блюда и ёмкости с обедом. Но потом не выдержал, вновь обратившись к генералу:

– Триид, а вот ответь мне на два вопроса. Каким это образом смогут оплодотворить столько женщин и с какой стати

они на это согласятся?

– Только не притворяйся глупей, чем ты есть на самом деле, – ответил с раздражением Жавен. Но на вопросы, как ни странно, ответил: – Вначале в пробирках оплодотворят твоими сперматозоидами яйцеклетки. Ну а потом плод выносит любая суррогатная мать, которой за это заплатят приличные деньги. И уж поверь мне, империя на это средства отыщет.

Примерно этого Пришелец и опасался: специально построенные интернаты, в которых имперские сержанты станут воспитывать безжалостных убийц, лишённых родительской любви, ласки и не знающих, что такое добро. Страшно. Благо ещё, что не всё потеряно. Да и времени имелось предостаточно, пока некий обман не раскроется. Три недели... вряд ли этого хватит... Но потом можно ещё парочку дней протянуть, а там ещё... Всё будет зависеть, как отнесутся к узнику потом...

Но настолько далеко Светозаров заглядывать не стал. Главное, что у него появилось отличное питание, отменное лечение, некая свобода передвижения и выхода в почтовую сеть и гипотетические шансы на побег. Значит, можно перед своими тюремщиками разыграть если не желание к сотрудничеству, то некое смирение точно. Мол, так сложились обстоятельства, и не мне их менять. Я только плыву по проложенному вами руслу.

Усаживаясь за стол, Пётр уже размышлял только о вариантах возможного побега. В том числе и устроенного через

сотратников, когда они узнают, где точно находится данный комплекс. Да и впоследствии на пищу набросился так, словно и не ел сравнительно недавно много и сытно. Поэтому не сразу заметил, как тяжёлые портьеры его интимного странства шелохнулись и показались не то сотрапезники, не то посетители. Однако тотчас обе категории узник попытался отвергнуть:

– Идите отсюда, юродивые, бог подаст! Мне самому порцию вороватые интенданты недодали! А если вы с прошениями какими или жалобами, то приходите завтра, записавшись предварительно у секретаря. Сегодня мой рабочий день окончен!

Реакция на это оказалась самой полярной. Аскеза Мураши с нахмуренным видом беззаботно расселась на стуле по ту сторону стола, а вот худощавый, подвижный старичок, задёргался от радости, заулыбался и ринулся к узнику с рукопожатием, восклицая:

– Он! Точно он! – Но был довольно бесцеремонно ухвачен сзади головой особого департамента, усажен на стул рядом и строгим голосом отчитан:

– Предупреждаю в последний раз, господин Серов! Перед вами опасный преступник, которому даже интересно будет разорвать вас на части, чтобы убедиться в наличии крови именно красного цвета. Поэтому держитесь от него на безопасном расстоянии.

– Да, да, конечно! Извините, фрейлейн, я просто не удер-

жался! – затараторил старик, не отрывая восторженного взгляда от лица Светозарова.

«Ничего себе! – несколько ошалел от такого обращения землянин. – Чего это он эту овцу «фрейлейн» обзывает? Сколько этому сморчку тогда лет?»

В мирах Долроджи любой мужчина, старше своей себе-седницы на пятьдесят лет, имел право называть её не всегда уместным словом «фрейлейн». Пётр Васильевич хорошо помнил своё изумление, когда двадцать лет назад впервые столкнулся с такими отношениями. Да и прочие немецкие слова, пусть и редкие, но имеющиеся в местном языке, его частенько ставили в тупик. Но сейчас получалось, что если Аскезе сорок семь лет, почти сорок восемь, то прибывшему с ней доходяге – уже под сто? Редкий возраст, несмотря на великолепно развитую медицину. И тем более не часто встречались мужчины такого возраста, остающиеся при памяти, с целыми конечностями и весьма активные в общении. Наверняка ещё и научной деятельностью занимается, раз ему дали допуск наивысшей секретности и привели для общения со всемирно известным мятежником.

Прибывшие деликатно молчали, зато обитатель узилища долго есть в молчании не стал. Потом он по чуть-чуть отъедал то одного, то другого, да запивал имеющимися напитками, но уже сам целиком и полностью погрузившись в завязавшуюся беседу. Потому что гость и в самом деле оказался уникальным. Начать хотя бы с представления, сделанного

Аскезой:

– Васильевич, хочу тебя познакомить с академиком Серовым Геннадием Ивановичем. Он – ученый с мировым именем и, можно сказать, твой давний пламенный поклонник. Или, иначе говоря, давно ловит каждое произнесённое тобой слово.

– Э-э... в каком смысле каждое? – озадачился землянин. – Занимается созданием подслушивающих систем?

– Мелко плаваешь со своими шпионскими замашками. Геннадий Иванович – лингвист-филолог, и он занимается всеми теми словами, оборотами, выражениями, формулировками, аббревиатурами которых ты успел засорить наш язык в течение всего-то двух десятков лет. То есть теми, которые ты занёс к нам с Земли.

– Бездоказательное утверждение! – заявил жёстко Светозаров. – Ты что-то путаешь! Я никогда ничего, никуда не заносил и не выносил! – хотя и сам с запоздалым раскаянием ужаснулся тому сленгу, который сам вводил среди повстанцев долгие, долгие годы. На это же обратила внимание и его давняя любовница:

– Да ладно тебе! Это ещё весь мир не слышал твоих особенных словечек, которые ты употребляешь во время ругани и во время чрезмерного удовольствия.

Как ни странно, смутить таким заявлением землянина удалось. Раньше-то он всегда отделялся утверждениями типа «У нас на Съепре все так ругались!» Но сейчас, после

раскрытия его инкогнито, такие ссылки на выжженную напалмом пятую луну планеты Грайва не прокатывали. Да и любовные, точнее говоря, весьма фривольные словечки он употреблял сверх всякой меры в постельных сценах, прямо на ходу придумывая им толковые, снижающие излишнюю пошлость объяснения. Сейчас это всё смотрелось совсем под иным углом, уже стопроцентно доказывая инородное происхождение «проходчика» для данной мини-галактики.

Ну и сам факт наличия здесь самого академика от лингвистики и филологии доказывал, что его деяния не остались незамеченными. Оставалось только понять: зачем данный визитёр здесь и чего ему надобно? Косвенные доказательства его происхождения есть, но это ещё не значит, что он начнёт рассказывать о своей родной планете всё свободное от принятия пищи и сна время. На что он и попытался намекнуть своим следующим заявлением:

– В мире литературы имеется масса писателей-фантастов, которые ещё и не такие выдумки описывали, какие я поведал своей супруге на заре нашего знакомства. И почему бы не счесть меня одним из этих фантастов?

Глава особого департамента опасно прищурилась, собираясь приструнить непонятого узника, но слово взял учёный:

– Видишь ли, уважаемый Пётр Васильевич! Это я настоял на данной встрече, как только узнал, что мои предварительные выкладки полностью подтвердились. А до того моя монография по всем твоим словесным деяниям была

предоставлена в особый отдел и весьма благосклонно оценена фрейлейн Мураши... – Вежливый кивок в сторону чинно ответившей тем же Аскезы. – Жаль, что сейчас мне не позволили прихватить монографию с собой, а потом и передать тебе для ознакомления...

– Почему? – в упор спросил его землянин. Ему и в самом деле было жутко интересно посмотреть на выводы лингвиста, сравнить, подумать над ними.

– Да всё потому... – Серов расстроено развёл руками, – что моя монография к предстоящей теме беседы отношения не имеет...

– Как не имеет?! – не стал скрывать обиды Пётр. – А вдруг там вообще не обо мне речь? Вдруг вообще ко мне никакого отношения не имеет?

Вот тут Геннадий Иванович, требовательно уставился на ядовитую «фрейлейн» и после её разрешающего кивка засыпал землянина только малой частью своих исследований. Причём солидных исследований, основательных, со ссылками и показаниями свидетелей, в большинстве своем запротоколированные, внесённые в реестры и отправленные потом в соответствующие хранилища. И по ним получался несуразно огромный список. Чего там только не было:

Овца. Бог подаст. Пересечёмся. Принято. Красава! Обращение по отчеству Иваныч, Павлович, Саныч! Ставшее расхожим соглашательское восклицание по-немецки: «Я, я, майн либен фройнд!» И многое-многое другое, не говоря

уже о сленге, который стал своеобразным, чуть ли не тайным языком многих повстанцев.

Приводя пример по теме восклицания, академик высказался более подробно:

– В нашем языке эти слова относятся к боковой, умершей ветви и почти не употреблялись. Хотя в старых словарях можно было отыскать их значение и синтаксическое звучание. А вот у тебя получилось ввести восклицание в течение всего одного года в обиход целой планеты. Причём смысл стал несколько иной, чем просто выражение согласия милому, любимому другу или подруге. Говорить так стали всегда, когда требовалось согласие на весёлую пирушку, день рождения или визит на празднество. И часто с весьма фривольным окончанием...

Тут не выдержавшая Аскеза прервала академика:

– Не надо неуместных подробностей! Всё и так ясно: твой любимец завис в ступоре, и ему нечем возразить против твоего научного гения. Так что уже переключайся конкретно на главный вопрос вашей сегодняшней беседы.

– Да, да, конечно... – несколько растерялся Серов. Но тотчас оживился, переходя на конкретику: – Как развивался язык на твоей родной планете Земля? Откуда он пришёл, куда распространился по иным звёздным системам? И насколько ушедшая в сторону ветвь немецкого прижилась в современной фонетике?

И так уставился на своего кумира, словно тот вот-вот со-

бирался стать Сверхновой.

А Пришелец задумался не на шутку:

«Они что, в самом деле считают меня настолько разговорчивым? Думают, что я немедля раскрою рот и начну рассказывать то, о чём двадцать лет и заикаться не смел? Хм... Но с другой стороны, я сам всё это время бессмысленно бился над решением данного вопроса. Взаимосвязь налицо, а ответов, как это случилось, – нет! Чудо, вот оно, вокруг меня! Микрогалактика, в которой сто шестьдесят три миллиарда населения, говорят на русском с редким вкраплением немецких слов! И ни единого следа – ведущего к Земле! Или ведущего оттуда – сюда. Почему? Как? Откуда и где что взялось? Что или кто – следствие? А кто – начало? Кто кому потомки, а кто кому предки? Немыслимая шарада, в которой я так до сих пор и не отыскал даже единственно верного слова-отгадки...»

А пообщаться ранее с подобным академиком Светозаров не додумался. Где только ни выискивал, у кого намёками или открытым текстом ни интересовался – всё без толку. Так, может, сейчас хоть что-то важное приоткроется?

С другой стороны, рассказать о Земле в том состоянии, в котором он её покинул, – это ввести в некоторый культурный шок своих собеседников. Многого, очень многого они не поймут, не примут, отторгнут всеми имеющимися у них стереотипами. Вообще могут решить, что такой Пришелец вреден и крайне опасен. То есть раскрыться вроде и можно,

смерть не страшна, да и смысла особого таиться нет, но всё-таки следует делать это с огромной осторожностью и осмотрительностью.

Мало ли каким рикошетом потом каждое слово ударит по сыну Борису? Или по остальным детям? Всё ведь можно усугубить, усилить, и тогда даже сторонники и последователи откажутся верить своему лидеру. Пусть он и погибнет за общие для них идеалы.

Поэтому откровенно и безотлагательно отвечать на заданные вопросы узник не стал. Начал издалека:

– Ну а ты сам, Геннадий Иванович, имеешь конкретные указания в своей науке на ту же Землю? Или на иные звёздные скопления с похожей письменностью? – После таких вопросов академик задумался, и похоже, что ему было чем поделиться. Пришлось его немножко подтолкнуть в верном направлении: – Может, имеются некие аналоги чужеродной, совершенно непонятной письменности? У нас, к примеру, находили некие значки, образцы самой древней клинописи, которые так и не удалось расшифровать.

Конечно, что таким течением беседы могла оказаться недовольна только фрейлейн Мураши. Но и она понимала, что поторопить землянина к откровенности ничем не сможет. Поэтому с досадой вздохнула и стала слушать зачастившего словами академика.

Несколько образцов непонятной, так и не расшифрованной письменности имелось в архивах и в работе некоторых

отделов лингвистики. Но их всегда раньше, до последнего открытия астрономов о множественности миров, рассматривали как некий казус. Или как попытки неких тайных обществ зашифровать свои тайные знания. Некоторые учёные склонялись к мысли, что находки – это результат секретной переписки между заговорщиками древности и ничего более. Сам же Серов склонялся к мысли, что два найденных артефакта явно иномирского происхождения. Слишком уж витиеватыми, чётко обозначенными казались выгравированные буквы и числа. Причём сделанные на пластинках из нержавеющей стали.

По ходу рассказа академик поинтересовался:

– А ты сам много образцов иной письменности видел на своём веку?

– Да как сказать, – мысленно стал подсчитывать землянин надписи, среди которых он смог бы отличить арабский от китайского. – Видел-то очень много, несколько десятков, но сразу признаюсь, что не лингвист и не полиглот. Так что понимал всего три, помимо русского языка. Немецкий, польский и испанский. Ещё из нескольких знал по пять, десять слов весьма приземлённого бытового значения. Но внешне десяток письменностей отличу... Поэтому с удовольствием глянул бы на сделанные фотографии тех самых пластин из нержавеющей стали.

– Да хоть сейчас!.. – Потянулся учёный к карману, где наверняка у него на карте памяти много чего хранилось, но

тут же замер, после многозначительного покашливания главы особого департамента. – Или позже...

– А что о связях с Землёй? Или о неких контактах с цивилизацией Долроджи извне?

– И в этом есть некие таинственные легенды и даже факты, – сделал старик вступление и перешёл к изложению фактов.

По ним получалось, что всё тот же древний народ лаом, рассеянный по всем жилым планетам мини-галактики, недаром считался хранителем древностей и собирателем редчайших словесных легенд. Почти каждый очаг их компактного проживания, имеющий свои пещерные храмы и служащих в них шаманов, мог одарить настойчивых и любознательных исследователей великими откровениями.

Вот одни из таких (причём собранные на разных планетах) и гласили, что более девяти тысяч лет назад лаомцы уже умели перемещаться, телепортироваться в иные пространства. И как-то собрались вместе около нескольких сотен «проходчиков». И решили они рискнуть, опробовать «слепой» поиск через подпространство, суммируя свои силы, обнявшись в едином кругу. Да шагнуть в иные миры как можно дальше, дабы познать другие границы распространения материи, годной для проживания человека. Некоторые шаманы отговаривали смельчаков от подобного риска, описывали аналогичные случаи и утверждали, что никто и никогда на данном пути не добивался успехов. Но это не остано-

ло отряд, в котором треть отважных первопроходцев составляли женщины. Однажды отряд ушёл в сполохах молний и грохоте грома.

Только через несколько недель вернулось шесть десятков мужчин, весьма довольных и счастливых. По их утверждениям, они отыскали такую землю в неведомом пространстве, где круглые сутки царил день, но климат оставался мягким и умеренным. Всё природное вокруг буйствовало и цвело, тёплые озёра радовали рыбой, прихваченные с собой семена злаков и прочих растений шли в рост, а земли изобиловали полезными ископаемыми. То есть оставшиеся три сотни поселенцев и не думали пока возвращаться, а интенсивно возводили поселения и занимались выращиванием фруктов, зелени и овощей.

Только вот основная беда сразу коснулась колонизаторов с неожиданной стороны. Слишком мало оказалось среди них женщин. Не спасали положения и моногамные браки, в которых на одну женщину приходилось два, а то и три мужа. По этой причине решили некоторые мужчины наведаться домой и отыскать среди женского пола адекватных любительниц приключений, готовых на дальнейшее переселение. Правда, уже тогда они были несколько озадачены тем, что отправилось их в путь восемьдесят человек, а добралось на родину только шестьдесят. Два десятка где-то потерялись. Да и время в пути при возврате чуть ли не удвоилось. В связи с чем был сделан теоретический вывод: на дальнейшее расстояние группа

должна собираться в количестве не менее двух сотен человек.

Вывод сделали, наущения, рекомендации и ориентиры остающимся дали, собрали очередную толпу переселенцев, где женщины составили уже две трети от общих пяти сотен, прихватили новые семена и отправились в путь. Но вот после этого ни от них весточки не пришло, ни отправившиеся по их следам группы о себе не дали знать. А ещё через несколько лет, бессмысленно потеряв около десяти тысяч человек в попытках «пройти по следу», тогдашние правители народности лаом запретили и групповые перемещения.

В тех же легендах содержались иные, весьма важные сведения. Например, утверждалось, что лаомцы в те древние времена могли летать на созданных ими устройствах. Умели связываться друг с другом и разговаривать на огромных расстояниях. Знали, как выращивать особенные фрукты и овощи, употребляя которые человек не нуждался ни в мясе, ни в рыбе. Приручали таких животных, что те сами пряли, ткали для человека любую одежду. Имели особую письменность, для которой не было необходимости ни в бумаге, ни в коже, ни в глиняных табличках, и она возникала непосредственно в воздухе. Да и вообще являли собой эталон мудрости, спокойствия и житейского благолепия.

То есть вполне могло так стать, что уход переселенцев в неведомые дали совпал с максимальным на то время всплеском развития цивилизации Долроджи. Причём не обязатель-

но в техническом плане проходил всплеск, возможно, общество развивалось по неким духовным, сугубо магическим направлениям. Да и в хрониках иных народностей хватало легенд, которые независимо друг от друга указывали на исторический период расцвета, отстоящий от нынешнего времени на девять, девять с половиной тысяч лет назад.

То есть получалось, что в течение сравнительно короткой беседы Пришелец узнал о древних мифах что-то нечто кардинально новое. После такого рассказа оставалось только грамотно продумать собственное повествование о родном мире. Единственное, что весьма мешало, – так это сомнение:

«Стоит ли вообще раскрываться? Пусть даже частично?.. И знают ли они о том, что шаманы лаомцев были долгое время моими наставниками? Вряд ли, конечно, им известно, что я стал «Познавшим», но выразить своё недоумение не помещает. Посмотрю на их реакцию...»

И он сделал провокационное заявление:

– Для меня вообще странно, что имеется такое доверие к представителям этой древней народности. Истинные сказочники, если не сказать грубо: трепла и балаболы.

Ох как и взвился на это академик! Даже равнодушно скусающая Аскеза вздрогнула от его напора:

– А вот в этом, Пришелец, ты совершенно не прав! И зря недооцениваешь величие наших предков! Лаомцы – это самые таинственные, самые скрытные представители нашей цивилизации. Их шаманы умеют такое, чего и в сказках не

услышишь. А их ученики, лучшие и легендарные из которых имеют титул Познающие, – умеют творить уникальные химикаты и биологические вещества в собственном теле. Да, да! И не кривись с таким недоверием! Те же самые Познающие, к примеру, умеют вырабатывать в себе яд, потом волевым усилием, концентрировать каплю его в облаке и убивать им окружающих. А ещё...

– Верю, верю! Извини, что неправильно сформулировал свои сомнения, – перебил его Светозаров. – Мне просто хотелось узнать нечто другое: а есть ли в быту у самих лаомцев странные слова, несозвучные с современным словарём?

– Есть, но немного! – тут же клюнул учёный, сам не заметив, как сменилась тема разговора. И затараторил о самых интересных, по его мнению, словоформах древней народности. Тогда как Пётр мысленно вздохнул и возрадовался:

«Еле заткнул этот фонтан знаний! Не хватало, чтобы он упомянул об умении Познавших производить в своём теле взрывчатку! Эта ушлая змея Аскеза сразу бы сложила два плюс два. Уж она-то может иметь информацию, пусть и случайную, что я чуть ли не годами прятался именно в жилищах лаомских шаманов. Да ещё и высших, по своему рангу именуемых Грандами...»

Глава 7. Напрасные надежды

Финал интереснейшей беседы с академиком Пётр проводил уже на кушетке. Подошло время лечебных процедур, и медики действовали по своим, намеченным планам, ни на что не обращая внимания. Да и не мешали ведущиеся манипуляции слушать да порой задавать уточняющие вопросы. И когда стала понятна вся степень информированности академика, землянин даже чуточку испугался.

«Этот старикан знает невероятно много! Не удивлюсь, если он в курсе и об умении шаманов предохранять женщин от незапланированной беременности. Достаточно ему ляпнуть об этом, просто проговориться вскользь, как Аскеза и в этом быстро сделает должные аналитические выводы. Уж она прекрасно знает, насколько я был близок с некоторыми шаманами и как дотошно старался перенять у них все тайны и профессиональные секреты».

Врачи справились со своими делами быстро, всего за полчаса. И, наверное, этому способствовало не столько пренебрежение своими обязанностями, как сердитые взгляды главы особого департамента. Да и вслух она два раза не удержалась от язвительных вопросов типа «Чего вы там копаетесь? Пусть напьётся зелёнки и выздоравливает!» Ну и когда медики убежали, оставив узника наедине с визитёрами, ему сразу последовал прямой вопрос от раздражённой Мураши:

– Может, хватит вытягивать информацию из академика? Мы ведь пришли тебя послушать, а не отвечать на твои вопросы! Подобное поведение нами будет расценено как нежелание выполнять условия договорённостей, и твоё личное время работы с терминалом будет аннулировано.

– Да что ты, что ты! – искреннее запричитал Светозаров. – Какое нежелание? Я просто поражён таким водопадом новой информации. Да и как можно не увлечься талантливым пересказом древней истории?

– Считай, что я тебе поверила, – не удержалась от язвительности Аскеза. После чего демонстративно посмотрела на часы: – У тебя в распоряжении осталось всего двадцать пять минут.

Как бы против этого не протестовала укоренившаяся за двадцать лет осторожность, следовало всё-таки поделиться информацией о родной планете. Причём учитывать, что сильный психолог сразу отличит явное вранье да и потом каждую интонацию разложит по полочкам во время видеопросмотра. То есть следовало говорить как бы правду, но несколько приукрашенную. А про некоторые нюансы земного бытия вообще не вспоминать. Так что основной костяк признания уже оказался заготовлен, следовало только приукрасить его правдивыми сценками и колоритными подробностями. Что Пришелец и проделал с присущим ему умением:

– Если сравнивать заселённые русскими людьми про-

странства, то они невероятно огромны. И составляют примерно одну шестую от всех остальных государств, империй и диктатур. А тех, имеющих совсем иную культуру, язык и совершенно другую, не похожую на нашу письменность, – больше ста пятидесяти. И какие только человекообразные не проживают в тех государствах! Есть с чёрной кожей, похожие на измазанных углём шахтёров; есть с красной, словно их опалило загаром; а есть с жёлтой, как будто они переживают пик болезни, называемой гепатит. Имеются миры, где обитают пигмеи-каннибалы, пожирающие друг друга; есть миры, покрытые вечным льдом и снегом, где живут эскимосы, питающиеся только мороженой или свежей рыбой; и также достаточно миров, где большинство земель покрыто песчаными барханами, и там живут бедуины, умывающиеся песком...

– А бедуины какого цвета? – не удержалась от вопроса Аскеза, слушая с распахнутыми до максимума глазами.

– Скорей жёлтые, – стал припоминать рассказчик. – С синевой... И ездят на верблюдах. Хотя и у них есть огромные города и уникальные архитектурные памятники в виде гигантских пирамид.

Ну и быстренько выложил известный ему по школьному курсу истории объём знаний о египетских пирамидах, фараонах, Сфинксе и древних несметных сокровищах.

Искать сокровища и даже просто слушать о них представители цивилизации Долроджи не просто любили, а обожа-

ли. Поэтому вкушали вожаденное блюдо с отвисшими челюстями. И даже у великого академика сомнений не возникло в том, что Египет и всё, что с ним связано, – это как минимум несколько звёздных систем, заселённых строителями пирамид и путешествующими на верблюдах бедуинами.

И только чудом следящая за временем Мураши оборвала затянувшийся рассказ недовольным ворчанием:

– У тебя осталось пять минут рассказать о мирах обитания русских.

А тут было ещё проще. Фактически каждый географический уникальный район Советского Союза получил в представлении офицера статус планеты. И он бегло стал перечислять об особенностях средней полосы, Крыма, Урала, Енисея, Байкала и той же Чукотки. Только теперь уже и сам внимательно следил за временем. И когда наступила пора двухчасового целебного сна, мягко напомнил:

– Уважаемые, несказанно рад был пообщаться и с удовольствием пообщаюсь ещё, но сейчас у меня по расписанию сон. Не хочется нарушать режим дня, и так проспал три часа личного времени. Поэтому не обессудьте...

– Да, да, мы уже уходим! – вскочил на ноги академик Серов. Но замер на месте, вспомнив, что не один в гостях, и попытался протянуть даме руку с извинениями: – Конечно же, после вас, фрейлейн!

И та неожиданно проявила воспитание. С улыбкой оперлась на сухонькую ручку Геннадия Ивановича, которую мог-

ла переломать одним ударом, и величественно удалилась. Хотя взглядом напоследок сильно поцарапала ауру Светозарова. Словно предупреждала: «Новую информацию мы получили, пока над ней подумаем, но ты тут не расслабляйся!...»

«Как же! Расслабишься с вами! – мысленно возмутился Пётр, перебираясь на кровать. – Теперь бы не помешало мне самому проанализировать услышанное от академика да связать это всё с нашими древними легендами. Надо ведь будет обосновать, почему меня, русского, спонтанным переходом закинуло именно сюда. Самая сомнительная часть моей легенды... Просчитаюсь хоть в чём-то – всему остальному не поверят...»

К сожалению, соблюдать режим дня вознамерился не только он. Коварный пояс вновь озадачил лёгким уколом, и уже через минуту, как сознание ни боролось с сонливостью, организм провалился в оздоровительный сон.

За отрезком в два часа, окончившимся очередным вводом пробуждающих лекарств, последовал огромный всплеск аппетита. И второй обед не показался чрезмерным. Скорей Петру даже не хватило, и он бы потребовал добавки, но не успел это сделать. Послышался издевающийся голос генерала Жавена:

– Ну ты и жрать мастак, Пришелец! За один раз слопал то, что тебе прежде на месяц хватало. Тут к тебе в гости академик Серов просится, примешь?

– Нет! – пришлось заявить категорично, хотя поболтать со стариком землянин в иной ситуации ни за что не отказался бы. – У меня слишком много дел в Интернете.

– Ну как знаешь, терминал тебе включают точно по времени...

Включили. Первые же попытки выйти тотчас в открытую сеть показали огромное наличие фильтров, блоки предварительной цензуры и следы деятельности целой группы специалистов, контролирующих каждое написанное слово. В результате любое отправленное во всемирную сеть сообщение, модерировалось, видоизменялось, по сути, чуть ли не на сто процентов, обвешивалось «прилипалами» и «троянами» и только после этого отправлялось в путь.

Но ожидать чего-либо другого узнику было бы бессмысленно. И так данные поблажки для него выглядели нереальными в своей щедрости. А то, что придётся изгаляться, мудрить и обманывать, он предвидел заранее. И даже для подобных случаев у него имелись отличные заготовки, на которые рано или поздно соратники просто обязаны отреагировать.

Следовало лишь запастись терпением и действовать согласно инструкциям, самим себе и составленным.

Но день шёл за днём, а никакого явного проблеска надежды на возможный побег не проскакивало. Бомбардировка многочисленными сообщениями всеобщей почты подействовала. Соратники откликнулись, дали знать, что они по-

няли о сути беды своего лидера, но дальнейшая «переписка» и «обмен информацией» грозились затянуться на месяцы. Потому что каждый намёк на место своего содержания приходилось вуалировать под такой грудой никчемной, отвлекающей информации, что впору было осатанеть от собственного бессилия. Но иначе никак не получалось, фильтры и цензура вычищали всё ценное и важное из переписки.

Из остальных новостей, происходящих вокруг узника, следовало отметить лишь ввод в эксплуатацию Могильщика, который теперь находился сразу за шторами, и ежедневные визиты академика Серова. Старик, видимо, трудился над новой монографией с логичным названием «Новые галактики». Как-то воздействовать на робота не получалось даже в теории: будь Светозаров даже наилучшим хакером всех времён и цивилизаций, ни единой ниточкой связи он не смог бы дотянуться до бездушного стального устройства.

А вот с Геннадием Ивановичем отношения сложились чуть ли не родственные. Доверие и сочувствие с его стороны буквально зашкаливали. Чувствовалось, что он категорически против заточения такой личности, а когда он присматривался к заживающим шрамам на запястьях своего кумира, то порой слёзы у него на глаза наворачивались. Наверное, попроси его землянин пронести оружие в тюрьму, старик тотчас бы постарался это сделать. Невзирая на слежку, обыски и сканирование. Но даже задумываться о таком Пётр не стал. А вот несколько иной вариант возможной помощи

замыслил. Потому что появились для этого некоторые возможности.

На шестые сутки знакомства академик добился разрешения пользоваться узнику бумагой и цветными грифелями. Потому что тот усиленно делал вид, что рисовать курсором на экране у него совершенно не получается. В особом департаменте наверняка похмыкали над наивностью учёного, но неожиданно обеспечили всем требуемым. И после этого несколько дней прошло в интенсивных творческих потугах: Светозаров какие только галактики не вырисовывал. Начиная от спиральных и заканчивая линзовидными или веретенообразными. Благо в своё время посмотрелся на снимки, сделанные мощнейшими телескопами, и заучил морфологическую классификацию галактик Эдмона Хаббла. Потому мог неделями рисовать и обсуждать вселенные вполне профессионально. Да и первые высказывания местных астрономов полностью подтверждали передаваемые данные. А значит, узнику верили беспрекословно.

О своей просьбе Пётр сообщил не сразу. Просто для начала вёл чисто отвлечённые разговоры о творящихся на свободе событиях. Причём спрашивал вполне деликатно лишь о настроениях народа, погоде да всеобщих политических преобразованиях. Глупо, конечно, интересоваться таким, если имеешь прямой доступ почти ко всем новостным каналам, но важен был сам процесс, начавшаяся подготовка к самому главному.

Серов вначале сильно смутился, напирал на то, что ему вообще запрещали говорить на посторонние темы, но потом наверняка получил указание «Говорить!». Уж наблюдали за узником далеко не дураки и сразу поняли, что тот нечто задумал. А в своём умении они нисколько не сомневались и наверняка сразу порекомендовали старику: «Будет о чём-то просить – соглашайтесь со всем. Захочет передать кому-то весточку – обещайте передать. Мало того, не сомневайтесь, сами и передадите. Ну, разве что мы вначале записку или послание тщательно просмотрим и перечитаем. Всё-таки цензуру тюремную никто не отменял».

Так что и сам, когда вознамерился на восьмой день перейти к делу, начал издавека:

– Прекрасно понимаю, что тебя предупреждали не вступать в контакты на свободе и ни с кем даже одним словом обо мне не заикаться.

– Увы! – кивал Серов. – Как это ни прискорбно... Только вот сведения о галактиках и рисунки, которые мы передали астрономам, уже совершили настоящий переворот в их исследованиях. Они ведь пока только предполагали, выдвигали гипотезы, а тут раз и такое чёткое, идеальное построение последовательности в виде камертона. Такой шум стоит! Ты не представляешь... Требуют определиться с именем учёного, которому принадлежит работа.

– Да пусть им так и останется астроном Хаббл, как это было у нас на Земле, – отмахнулся Пришелец. – Меня больше

сейчас одна забота сдает.

– А именно?

– Осталась у меня в столице одна близкая женщина, о моей жизни мятежника даже не подозревавшая. Ну и сам понимаешь, как это случается, расстался я с ней, даже не попрощавшись. А ведь она могла оказаться в несколько пикантном положении.

Уже подозревая, чем это может закончиться, учёный горестно вздохнул:

– И ты ей хочешь помочь материально?

– Нет, она и без меня обеспечена прекрасно. Просто хотел передать ей небольшую любовную записку о том, что она останется в моей памяти навсегда, но пусть меня не ждёт, ибо я ушёл с другой и не вернусь.

– Хм! Романтично! – старик строго поджал губы. – Только вот я...

– Да я лучше тебя знаю здешние правила и порядки! Не надо ничего скрывать, пусть вне пределов моей камеры записку сразу осмострят, прочтут и даже обнюхают. Мне только и хотелось, чтобы печальную весть о нашем расставании доставил человек в возрасте, хорошо ко мне относящийся и понимающий всю бесперспективность моей неуместной любовной интрижки.

Академику нельзя было отказать в логическом мышлении:

– А может, у вас всё ещё сложится?

– Нет. Я люблю совершенно другую женщину.

– Тогда наверняка она пострадает, получив записку от тебя. Она ведь твоя соратница?

– Ни в коем случае! И могу поклясться, что эта женщина ни единой гранью своего бытия не связана ни с моими соратниками, ни с иными подобными мне мятежниками! Ей в этом плане ничего не грозит.

– О! Даже клянёшься?

– Клянусь! – Старикан и в самом деле оказался добрейшим, умеющим сочувствовать человеком. И после данной клятвы согласился. Но с предварительным условием: переспросить у представителей особого департамента, можно ли принять, а потом и передать подобное послание.

И судя по тому, что на десятый день пришёл с устным разрешением, кто-то в предвкушении уже потирал руки, готовясь к очередным арестам. А может, и не готовясь, может, просто сильно озадачившись таким явным и несуразным действием узника. Всё-таки так просто выдать свою соратницу прошедший пытки человек и не сломавшийся – не стал бы. Значит, всё им делается с каким-то особенным умыслом. Ну и задача службистам, возглавляемым ядовитой Мураши, наверняка уже ставилась с вселенским размахом. В любом случае, как только они узнают адрес, вокруг означенного дома, а то и квартала станет не протолкнуться от шпиков и летающих технических средств слежения. А скорей всего, неизвестную пока даму быстро арестуют со все-

ми окружающими её лицами для полного выяснения обстоятельств. Так сказать, во избежание возможной утечки.

Весь юмор ситуации заключался в том, что подобных кандидатур «на закляние» сам Светозаров заготовил несколько. И провал, арест или просто слежка за каждой из них обозначал чёткий и конкретный приказ: «Приготовить возможное освобождение узников с такого-то конкретного объекта». Таких комплексов тюрем-лабораторий имелось пять в столице, и на каждый существовала своя, «закланная овца».

При этом совесть борцов за справедливость была чиста совершенно: они сдавали своего двойного врага. Точнее не только своего врага, но и врага родной империи. Потому что пять женщин являлись совершенно независимыми друг от друга резидентами королевства Гровуран, находящегося два столетия в состоянии жестокой войны с империей. Ну а у себя гровуранцы жестоко и давно уничтожили всё поголовье «проходчиков», так что нагадить им всегда считалось делом достойным, правильным и вдвойне патриотичным. Резидентов могли сдать давно, фактически случайно выйдя на их сеть, но не стали этого делать сразу, потому что женщины не вели подрывную деятельность, а находились в режиме «затаись и вживайся».

Мало того, и очерёдность последующей сдачи вражеских лазутчиц тоже могла подсказать соратникам: что и в какой последовательности надо делать для освобождения попавшего в западню лидера. А подобное – чуть ли не половина

всего успеха!

Так что, выбрав большущий листок бумаги, Пётр вначале с особым внутренним злорадством вывел на одной стороне адрес. Хоть и знал, что это всего лишь через два квартала, но делал старательно вид, что не осознаёт, где конкретно находится:

– Это в столице, если ты не знаешь, тебе подскажет любой поисковик... Вот, – писал специально крупно и разборчиво, мысленно улавливал раздающиеся краткие команды того, кто уже считал адрес с экрана. – А теперь само послание... Мм... Конечно, она не будет рада... Но лучше уж так, чем годами находиться в неведении. Потому что мне показалось, что она готова ждать меня до окончания собственной жизни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.